

ДНЕВНИК
АРХИМАНДРИТА
АНТОНИНА
(КАПУСТИНА)

1850

**архимандрит Антонин Капустин
Кирилл А. Вах
Лора Александровна Герд
Дневник архимандрита
Антонина (Капустина). 1850**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10441731
Дневник архимандрита Антонина (Капустина). 1850: Индрик; Москва; 2013
ISBN 978-5-91674-276-3*

Аннотация

Дневник архимандрита Антонина (Капустина) за 1850 г. продолжает начатый ранее проект издания этого уникального исторического источника. Вместе с тем он открывает отдельный период в жизни Антонина – его назначение на должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах, где он провел первые 10 лет своей жизни на Православном Востоке (1850–1860). Издание снабжено необходимым комментарием и указателем имен.

Содержание

От составителей	6
Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1850	11
Новый 1850 год	11
<Январь>	11
Февраль	14
Весна	18
Март	18
Великий пост	18
Апрель	22
Май	27
Июнь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39
Комментарии	

архимандрит Антонин Капустин Дневник архимандрита Антонина (Капустина). 1850

© Л. А. Герд, К. А. Вах, Составление, подготовка текста, 2013

© Л. А. Герд, Статья, 2013

© К. А. Вах, Примечания, статья, 2013

© Издательство «Индрик», Оформление, 2013

* * *

Архимандрит АНТОНИН (КАПУСТИН).
Фотопортрет. 1850-е гг.

От составителей

Настоящее издание второго по счету тома Дневника архимандрита Антонина (Капустина) за 1850 год продолжает научно-исследовательский и издательский проект по изучению и публикации в полном объеме этого уникального исторического источника. Весь комплекс Дневника архимандрита Антонина охватывает период с 1817 по 1894 гг. Проект был инициирован группой российских исследователей, возглавлен членом-корреспондентом РАН Я. Н. Щаповым и получил благословение Святейшего Патриарха Алексия II, который принял на себя звание его почетного председателя. В память о наших первых руководителях редакционная коллегия пока не предпринимает шагов по замещению этих должностей и вся научная и организационная работа ведется силами редакционного совета.

Первым увидел свет Дневник архимандрита Антонина (Капустина) за 1881 год. В этом издании был сформулирован основной принцип научной работы в рамках проекта – представить как исследователям, так и широкому кругу заинтересованных читателей исторический источник с комментарием, необходимым для понимания содержания текста¹. При этом в первую очередь было решено сосредоточить усилия на изучении: деятельности архимандрита Антонина (Капустина) на Православном Востоке, где в общей сложности он прожил без малого 44 года. Из этого времени 10 лет Антонин провел в Афинах, 5 лет в Константинополе, остальные годы – в Иерусалиме. Работу по подготовке к изданию Дневника, осуществляют две группы ученых, каждая в рамках своего периода. Научно-исследовательской работой над наиболее объемным иерусалимским периодом занимается исследовательский коллектив под руководством Н. Н. Лисового. Изучением и изданием томов Дневника афинского и константинопольского периодов жизни архимандрита Антонина руководит Л. А. Герд.

Настоящая публикация тома Дневника за 1850 год открывает собой научно-издательскую программу по выпуску в свет афинского и константинопольского периодов деятельности архимандрита Антонина. В дальнейшем планируется отойти от заявленной ранее методики публикации Дневника по одному году в каждом томе. Авторский коллектив считает возможным в ходе последующего издания сгруппировать годы Дневника, охватывающие афинский и константинопольский периоды в трех томах: 1851–1855 гг., 1856–1860 гг. и 1861–1865 гг. соответственно. Каждый из этих томов будет содержать отдельный справочный аппарат и комментарий.

Такое расположение материала не случайно. Период 1851–1855 гг. отражает и первый этап в жизни архимандрита Антонина на Православном Востоке. В эти годы он как бы пускает корни, врастает в эту новую для него реальность взаимоотношений, сложившуюся внутри восточнохристианского мира. Ситуация усугубляется для него теми обстоятельствами, в которых оказались представители Русской Церкви на Востоке перед самым началом и в продолжение Крымской войны. Этот период стал для него настоящей школой в церковно-дипломатическом и человеческом плане. Многие представления Антонина, с которыми он выехал из России, претерпели в этот период серьезные изменения. В то же время обстоятельства позволили раскрыться его талантам церковного дипломата и ученого. Второй период (1856–1860 гг.) характеризуется теми изменениями в русской политике на Православном Востоке, которые произошли в первые годы после подписания Парижского мира. Роль Антонина как настоятеля русской посольской церкви в Афинах в этих условиях получила самостоятельное, пусть и не официальное значение представителя Русской Церкви в

¹ Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова; Отв. ред. чл. – корр. РАН Я. Н. Щапов. М.: Индрик, 2011. С. 12.

Греции. В середине 1850-х гг. отношения России с греческими иерархами Восточной Православной Церкви обострились. С изменением политики русского правительства в балканском регионе и на Ближнем Востоке при Александре II в греки начинают воспринимать русских как своих прямых соперников в будущем разделе наследия Османской империи. Наиболее открыто это недоверие к России проявлялось как раз вне пределов Османской империи. Если в Турции Патриархи вынуждены были лавировать между российскими, османскими и европейскими интересами, то вновь созданный Синод Элладской Церкви постепенно все больше проникался антирусскими настроениями. В этих условиях российским дипломатам в Греческом королевстве предстояла филигранная работа по созданию условий для диалога и противодействия антирусской политике великих держав в Греции. И архимандрит Антонин становится негласным, но очень эффективным участником деятельности российского посольства в указанном направлении. Третий период 1861–1865 гг. посвящен пребыванию архимандрита Антонина в Константинополе. Много, что было сказано о его церковно-политическом значении для русской политики в Греции, может быть отнесено и к его деятельности в качестве настоятеля русской посольской церкви в Константинополе. Правда, теперь Антонин попал, так сказать, в эпицентр церковно-политической жизни, сосредоточенной так или иначе вокруг Вселенского патриаршего престола. Здесь было переплетено все сразу: взаимоотношения Русской Церкви и Восточных Патриархов, церковно-дипломатические, канонические и внутренние проблемы Православной Восточной Церкви, контакты с инославными конфессиями, национальные и межэтнические отношения, политическое положение Османской империи и ее взаимоотношения с европейскими державами и т. д. Можно предположить, что для самого Антонина это был бесспорно интересный, хотя и трудный период его жизни на Востоке, особенно, когда его непосредственным начальником стал близкий ему по духу человек – граф Н. П. Игнатъев. Этим можно объяснить многочисленные жалобы Антонина Игнатьеву по поводу его затянувшейся иерусалимской командировки. А когда Антонин указом Синода от 5 июня 1869 г. был официально назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, первое, что он делает, пишет проект о соединении в одном лице должности начальника Миссии в Константинополе и в Иерусалиме. Теплое и чрезвычайно трепетное отношение к Игнатьеву Антонин пронес через всю свою жизнь², но вернуться в Константинополь из Иерусалима он уже не мог, а после отъезда Игнатьева – вряд ли бы и захотел.

Дневник за 1850 год охватывает последние месяцы пребывания Антонина в Киевской духовной академии. На страницах Дневника занятия в академии и семинарии чередуются со службами, праздники сопровождаются описанием общих поездок за город на хутора, принадлежавшие епархии. В 1850 году выходят первые печатные труды Антонина, что также находит свое отражение в Дневнике. Знание той среды, которая окружала Антонина, чрезвычайно важно для изучения его деятельности на Востоке, для понимания его личности в целом. На киевских страницах Дневника оживают колоритные, почти лесковские картины. Академия в эти годы живет насыщенной жизнью. Среди ее администрации и преподавателей значительное количество выдающихся представителей русского ученого монашества, большинство из которых оставили заметный след в истории Русской Церкви. Когда Антонин пишет Н. П. Игнатьеву в январе 1869 г. о том, что его ученики в России уже архиерействуют и сияют звездами, – мы понимаем, что он говорит о своих киевских товарищах, среди которых ученик Антонина Иоанний (Руднев), будущий митрополит Киевский и Галицкий, и сокурник его по Академии Нектарий (Надеждин), будущий архиепископ Харьков-

² Их переписка началась в год знакомства и продолжалась с разной интенсивностью практически до конца жизни Антонина. См: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с Н. П. Игнатьевым. 1861–1893 гг. / Изд. подг. К. А. Вах. М., 2014 (В печати).

ский и Ахтырский. Его близкими знакомыми по преподавательской деятельности были архимандрит Иоанн (Петин) – будущий епископ Полтавский и Переяславский, и архимандрит Димитрий (Муретов) – будущий архиепископ Херсонский и Одесский. Особое место занимает искренняя и душевная дружба Антонина с архимандритом Феофаном (Авсеновым), оказавшим сильнейшее влияние на его мировоззрение. Петр Семенович Авсенов (пострижен в монашество с именем Феофан в 1844 г.) преподавал в Академии философию и психологию. Его принято считать родоначальником российской школы психологии. «Начитанность его вообще была необыкновенно велика, а жажда чтения – неутолима»³. Соединив классическую античную науку о душе с современными ему достижениями западной философии и естествознания, он сопоставил полученный результат со святоотеческой традицией. В результате такого синтеза европейская философская традиция в существенной своей части оказалась переписанной на язык Православной Церкви. Курс его пользовался особым вниманием со стороны студентов. Знаменитый богослов и педагог Преосвященный Иннокентий (Борисов) в бытность свою ректором академии неоднократно посещал лекции профессора Авсенева и публично высказывал ему свое одобрение. Взгляды архимандрита Феофана получили выражение в уникальном и самобытном научном обобщении, озаглавленном «Жизнь души». Читая эту книгу сегодня, нас не покидает ощущение того, что мы говорим с нашим современником, а методы и базовые элементы, на которых строится изложение, есть данные современной науки. Одно из центральных мест в книге отводится состоянию души во время сна, а также магнетической или нервной силе души. Согласно выводам автора, сновидения человека есть символический язык души, который нужно стараться понять. «Кто через самоиспытание дознал нечто из этих наречий и когда какой язык употребляет больше душа его во сне, тот может несколько угадывать свои сны, но не чужие»⁴; «В состоянии сна открывается внутренний, потаенный сердца человек. Посему вникай в сновидения, дабы узнать нравственное свое состояние»⁵. Многочисленные описания снов, которые постоянно помещает Антонин в своем Дневнике, есть не что иное, как отражение теории архимандрита Феофана. Отсюда происходят и попытки объяснять свои сны, и соблазнительное для нашего времени доверие к снам со стороны ученого-монаха и архимандрита⁶. Заметим, что это же повышенное внимание к сновидениям было свойственно старшему другу о. Антонина, не менее его ученому, архимандриту Порфирию (Успенскому), и не только ему одному. Классическая русская литература XIX века наполнена сновидениями. Отношение к ним героев и автора как правило необычайно серьезное. Достоевский, в романах которого снам и их толкованию часто отводится центральное место, верил в существование второго зрения, доступного человеку во сне и считал свои сны вещими⁷. И подобных примеров мы можем найти множество. Из Дневника Антонина мы видим, как толкует его сон один из наиболее почитаемых в Лавре духовников старец Парфений Киевский (запись от 14 марта). В таинственной связи между душой и телом выделась в первую очередь мистическая связь человека с Богом. «Сердце, проникнутое любовью к Богу и озаренное внутренним светом, в сновидениях дает вещам нередко совсем другое значение, нежели какое находит в них любознательный рассудок или чувственность... Для любящего Бога сердце имеет ключ к естествознанию внутреннему, которое видит в природе откровенное слово Божией премудрости»⁸. И различные проявления силы души, такие как ясновидение или магнетизм, воспринимались

³ Феофан (Авсенов), архимандрит. Из записок по психологии архимандрита Феофана (Авсенева). Киев. 1869. С. V.

⁴ Феофан (Авсенов), архимандрит. Из записок по психологии архимандрита Феофана (Авсенева). Киев. 1869. С. 164.

⁵ Феофан (Авсенов), архимандрит. Из записок по психологии архимандрита Феофана (Авсенева). Киев. 1869. С. 166.

⁶ Антонин сам объясняет прямую связь между реальностью и сновидением через психологию и ни как иначе. (Сноска: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1876. Запись от 21 октября. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1127. Л. 316.

⁷ Собрание мыслей Достоевского / Сост. и авт. предисл. М. А. Фырин. М., 2003. С. 89.

⁸ Собрание мыслей Достоевского / Сост. и авт. предисл. М. А. Фырин. М., 2003. С. 89.

как естественные проявления божественных дарований, скрытых в человеческой природе. Именно поэтому спиритические сеансы могли устраиваться членами царской семьи даже в присутствии духовенства, а сеансы медиумов в России проходили публично и без каких-либо ограничений. Все это нужно иметь в виду, когда мы читаем в Дневнике подробное описание очередного сновидения.

Решение Антонина просить о назначении в Афины также сформировалось при участии архимандрита Феофана, но, возможно, было спровоцировано отказом назначить его на должность инспектора академии. Согласно данным Дневника, разговор о переводе за границу зашел после получения 18 февраля архимандритом Феофаном письма от своего прежнего академического начальника и покровителя – архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова). «И я не спал потом целую ночь, думая об Афинах, Палестине и всем Востоке», – записал Антонин в Дневнике на следующий день. Больше недели прошло в обдумывании этого шага и в разговорах о возможных переменах. Наконец, 4 марта, архимандрит Феофан в ответном письме к архиепископу Иннокентию, отправленном в Петербург после получения окончательного согласия от Антонина, рекомендовал его для перевода в Афины. Мысль о Востоке постепенно захватила Антонина. Через неделю (12 марта) он уже объяснял свой сон тем, что в столице в этот день должно было быть получено рекомендательное письмо о. Феофана. Вероятно, дело о назначении о. Феофана в Рим уже было заранее подготовлено со стороны архиепископа Иннокентия. В ответном письме, полученном в Киеве 28 марта, его вопрос выглядит полностью решенным, тогда как об Антонине поручено было представить новую более решительную рекомендацию, отправленную о. Феофаном в Петербург 30 марта. Неофициально Антонин узнал о своем назначении в Великий Понедельник 17 апреля. Письмо из Синода ректора академии Антония (Амфитеатрова) извещало о предполагаемом назначении о. Антонина в Афины. «У меня не стало головы! Итак, я решительно буду на Востоке!! в Иерусалиме!! в Египте!! Ай! ай! Как бы не сойти с ума».

Антонин горячо воспринял это известие и не смотря на явное неудовольствие начальства (Дневник за 24 апреля) не изменил принятого однажды решению. Но дело с отъездом затягивалось. Прошла весна, за ним лето. 11 августа Антонин проводил в путь архимандрита Феофана, а на следующий день отпраздновал день своего рождения. Ему исполнилось 33 года – символический возраст. 14 августа, в день памяти прп. Феодосия Печерского, митрополит Киевский Филарет собственноручно возложил на него пожалованный Синодом кабинетный крест и, напутствуя, произнес шутя: «Как бы тебя, о. Антонин, не сделали там архиереем греки-то. Вези им побольше денег...» С 19 августа Антонин начинает делать записи шифром. Только в день отъезда 2 сентября появляется краткая запись: «Братство. Старый Киев. Феофания. Большая дорога. 5 минут плача. Дремота. Ночь. Прощай Киев!» Описание пути из Киева до Одессы, посадки на пароход и отъезда вновь сделаны шифрованным письмом. Лишь на подходе к Босфору он вновь возвращается к прежней манере ведения Дневника. 22 сентября пароход подошел к стенам Константинополя. «Вот он, заветный, таинственный, с раннего детства врезавшийся мне в душу, Царьград! Приветствую тебя, любимец души моей!» Перед ним открывался неведомый и манящий Восток, где судьбой ему было предопределено прожить большую часть своей жизни.

Издание подготовлено по машинописной копии Дневника, хранящейся в библиотеке ГМИР и сверено с оригиналом РГИА. Текст воспроизводится в современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей языка. Выделения в тексте сохраняются. Отдельные места, написанные киноварью, а также авторские пометы на полях оговариваются в примечаниях. Многочисленные сокращения, не важные для понимания текста в целях удобства восприятия раскрыты без указания. В отдельных случаях раскрытые сокращения помещены в угловые скобки. Перевод иноязычных слов и фраз вынесен в примечания.

Составители считают своим долгом поблагодарить директора Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и А. Р. Соколова за предоставленную возможность работать с оригиналом Дневника и за содействие в изготовлении необходимых цифровых копий. Выражаем признательность Государственному музею истории религии (Санкт-Петербург) и Е. А. Терюковой за постоянную помощь оказываемую нашему проекту со стороны руководства музея. Работа над текстом Дневника и составление комментария были бы немыслимы без архивных материалов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва). Слова нашей особой благодарности директору АВП РИ МИД России И. В. Поповой.

Подготовка Дневника и его издание стали возможны благодаря поддержке, оказанной Российским гуманитарным научным фондом и его руководителями: В. Н. Фридляновым, Ю. Л. Воротниковым и В. П. Гребенюком.

Выражаем нашу искреннюю признательность архиепископу Егорьевскому Марку (Головкову) за постоянное доброжелательное внимание к работам по изданию Дневника.

Настоящая публикация Дневника за 1850 год приурочена к 120-летию со дня кончины начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина).

Л. А. Герд, К. А. Вах

Служили обедню и ездили в Лавру поздравлять Владыку^[1] с Новым Годом. Обедали в трапезе и выполняли все, что было пренужно. Кажется, вечерком сидели у о. типографа, пока не пришло инспекторское повеление ехать нашему бродяжничеству домой, не томя лошадей. Дома приготавливал тетрадь для переписки «Круга»^[2].

Понедельник, 2 янв<аря>

Пересматривал и докончил Мытаря и Фарисея^[3]. Теперь остается только сесть да переписывать. И я точно, сел и немилосердно томил свою руку: до того, что она стала неметь и судорожничать.

Пятница, 6 января.

На празднике^[4] у нас служил Преосвященный викарий^[5]. После обедни было обыкновенное освящение воды на Днепре, причем я не был. Что происходило в остаток дня не могу припомнить. Вероятно, я продолжал заниматься перепискою своего изделия.

Воскресение, 8 января

После обедни получил записку от о. Ивана^[6], приглашавшую меня к нему обедать, с намеком на некую новость. Обед был, но новости никакой не оказалось. Зато мы выкинули с о. Иваном потом немаловажную штуку. Ему какое-то заделье было съездить к Николаю Пустынному^[7], и он для компанства пригласил меня с собою. В три часа мы поехали и до 8-ми часов блудили^[8], пока нашли пустынного святителя. Сначала нас направили к старому попу, т. е. о. Исакию^[9], от него мы перешли к новому – о. Димитрию^[10], его зятю, безногому, а как вскоре оказалось, и безголовому. Сначала большой благоговел пред гостями, а потом, к концу вечера, до того вознесся над ними, что имел благодушие изречь оные приснопамятные слова: «Дураки вы все – ректора и инспектора!» Меня хозяин принимал за инспектора семинарии. После такого комплимента нам осталось только пожелать ему доброй ночи и лечь спать. На дворе был сильный мороз, и в хате так холодно, что руки мерзли. Кое-как, завернувшись в рясу, я заснул на лавке.

Понедельник, 9 янв<аря>

Встали на восходе солнышка. Ходили в церковь^[11], согрелись чаем и еще кое-чем и в крепкую стужу отправились в Киев. Прибыли в оный часу в 11-м. С час или более я отогревал руки, пока оне сделались способными держать перо и писать.

Воскресение, 15 января

Всю истекшую неделю переписывал свой «Круг». Сегодня после обедни мы получили приглашение быть на пироге у именинника^[12]. О. ректор^[13] отказался по болезни; о. инспектор^[14] – по слабости; о. Даниил^[15] – по убеждению, что будущему инспектору приличнее не являться без ректора. Между тем о. Иван, по примеру прошлого воскресенья, опять приглашает меня обедать к себе. Несмотря на все сие, близость наступающего цензурного истязания моей рукописи расположила меня быть у именинника. С о. Иоанникием^[16] мы упешествовали и явились в самое то время, как флюгер Григория Никифоровича^[17] великолепно прозвучал во уши всей почтенной публики, что ректор и инспектор выдумали себе болезнь, а прочие (мы недостойные) приплясываем оным... До того я возблагоговел пред хозяином – именинником, что вечерком послал ему великолепную гравюру *Drei Männer zu Rütli*^[18] в подарок. Подымается Антонин на штуки...

Среда, 18 января

Представил при прошении в цензурный комитет свою рукопись, присовокупив, что остающиеся непереписанными проповеди будут в скорости представлены комитету, а оне, не только не переписаны, но еще и не сочинены... Становится занимательно! Что-то будет с моим предприятием?... Ну как кончится все ничем? Стыд и жаление о пропавшем напрасно жестоком труде.

С 19<-го> числа по 25-е продолжал сочинять остальные проповеди до Пасхи. Спасибо, братец^[19] посоветовал издать пока первую часть проповедей, чтобы потом посмотреть, что с ними будет, и тогда уже подумать о второй – послепасхальной. До какой степени я истомил себя, свидетельством тому может служить то, что 21 числа я уже не мог писать правою рукою и хотел заменить ее левою, но не сумел сделать этого; весь следующий день должен был отдыхать, написавши строк десяток – в начало великосубботней проповеди. Вместе с телом истомилась и мысль. Великих усилий и напряженных соображений стоила проповедь на В<великий> Четверток. Приходили минуты, в которые я писал, не сознавая, что и к чему.

Понедельник, 23 числа

Неожиданно мы (монахи) получили от о. ректора приглашение на обед. Немало составлено было нами по этому поводу умозаключений предположительных. К большому соблазну известно стало, что вчера за обедней (я не служил или служил раннюю) о. Даниил показывал о. ректору какое-то письмо с особенною пассиею^[20] и после того еще ниже кланялся ему после возгласов и в других случаях, где было нужно. Так мы и подумали (с о. Феофаном и Иоанникием), что верно о. ректору пришла весть о назначении его викарием на третью вакансию в г. Волчек^[21]. Увы! все оказалось мечтою и сошлось на пустяк. О. ректор был некогда в этот день именинник и в этот же день подал прошение о монашестве. После разочарования с одной и разблужения с другой стороны, я, по обычаю, принялся за сочинение своего неумолимо-требовательного «Круга», но, кажется, мало имел сочувствия с ним, потому что почти все сочиненные 24 строчки впоследствии времени были зачеркнуты. Что ж делать? на то праздник!..

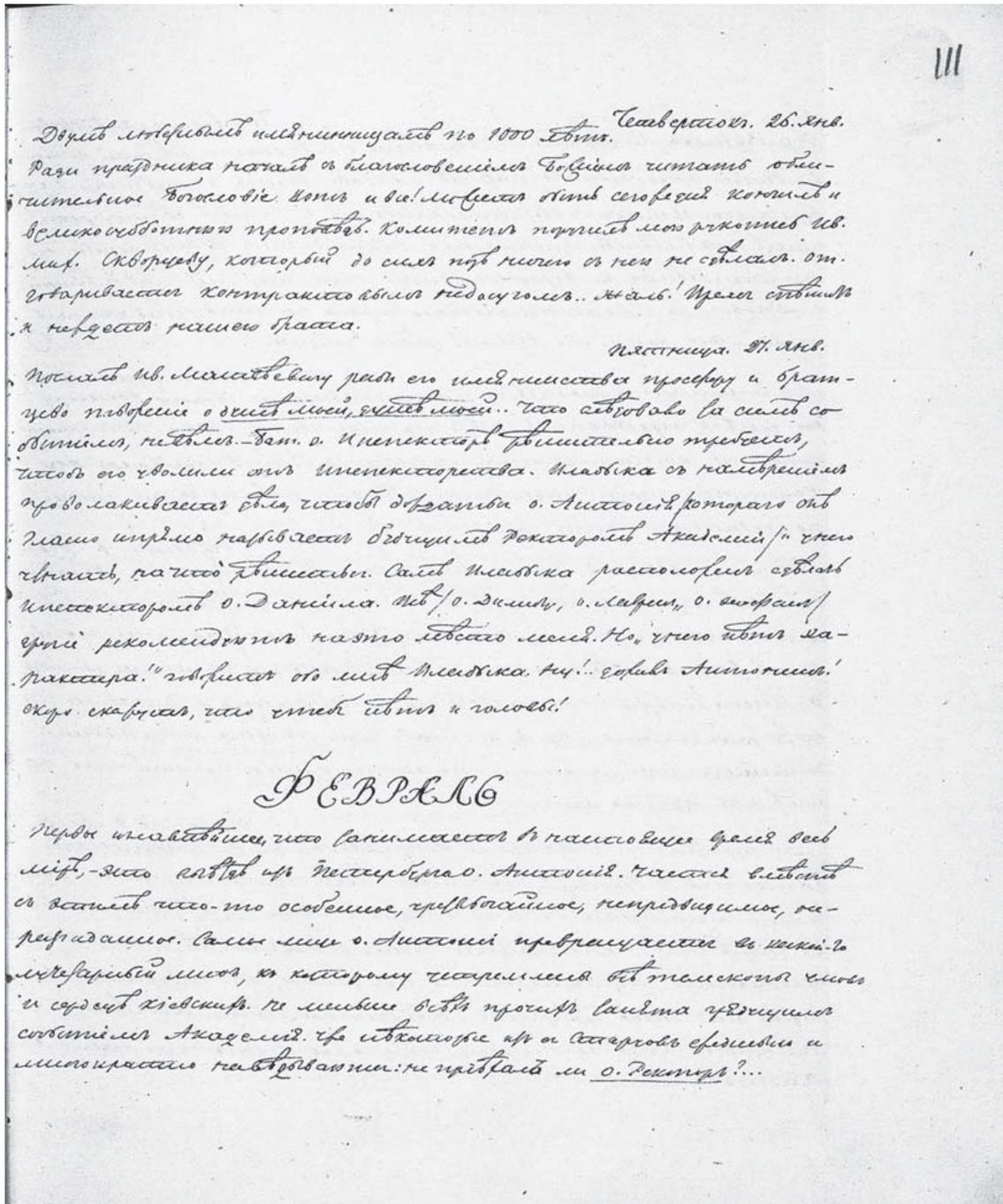
Четверток, 26 янв<аря>

Двум любезным именинницам по 1000 лет. Ради праздника начал с благословением Божиим читать обличительное богословие. Вот и все! Может быть, сегодня кончил и великосубботнюю проповедь. Комитет^[22] поручил рукопись Ивану Михайловичу Скворцову^[23], который ничего с нею до сих пор не сделал. Отговаривается контрактным недосугом... Жаль. Время спешит и не ждет нашего брата.

Пятница, 27 янв<аря>

Послал Ивану Матвеевичу^[24], ради его именинства просфору и братцево творение о *душе моей, душе моей*...^[25] Что следовало за сим событием, не вем. Батюшка о. инспектор решительно требует, чтоб его уволили от инспекторства. Владыка с намерением проволочивает дело, чтобы дождаться о. Антония^[26] (которого он гласно и прямо называет будущим ректором академии) и у него узнать, на что решиться. Сам Владыка расположен сделать инспектором о. Даниила. Все (о. Димитрий, о. Лаврентий^[27], о. Феофан) другие на это место рекомендуют меня. Но «у него нет характера!», говорит обо мне Владыка.

Ну!.. дожил Антонин! Скоро скажут, что у тебя нет и головы.

Февраль

Первое и главнейшее, что занимает в настоящее время весь мир, это выезд из Петер-
 бурга о. Антонія. Чаеся вместе с этим нечто особенное, чрезвычайное, непредвидимое,
 неразгаданное. Самое лице о. Антонія превращается в какой-то лучезарный миф, к кото-
 рому устремились все телескопы умов и сердец киевских. Не меньше всех прочих занята
 грядущим событием академія. Уже некоторые из ее старцев ежедневно и многократно наве-
 дываются: не приехал ли о. ректор?

Четверток, 2 февр<аля>

Праздник. Служили и, вероятно, у о. ректора обедали. Вечером всеобщий звон (язы-
 ков) разнес по Киеву весть о прибытии *Петербургского*. Итак – увы! мимолетный о. ректор

семинарский, наш любезнейший батюшка о. Иван должен возвратиться на прежнее место в бурсу и ссадить (тоже любезнейшего) о. Дорофея^[28] с смотрительского трона на табурет учительства! Оле чудесе! Sic transit gloria mundi!^[29]

Пятница, 3 февр<аля>

Вся семинария являлась к новоприбывшему своему ректору, но успел предварить всех прочих наш авва...^[30]

Контракты кончились, выманив, по обычаю, у меня рублей 30 серебром на картинки и другие пустячные мелочи. Может быть, теперь пошевелится и моя рукопись...

Суббота, 4 февр<аля>

Ходили и мы с о. Иоанникием к о. Антонию. Новое светило ко мне стало полюсом, к о. Иоанникию умеренным поясом... Радуюсь и этому. На полюсе хоть холодно, зато здорово... В сей же день известно стало, что Владыка согласился уволить о. инспектора и на его место утверждает о. Даниила. В сей же день, может быть, я узнал, что Иван Михайлович затрудняется чтением моей рукописи и полагает между прочим, что автор их крепко хитрит...

Воскресение, 5 февр<аля>

До определения о. Даниила исправляющим инспекторскую должность, о. ректор поручает мне инспекторство... Много чести и милости! Опасаюсь, как бы своею «бесхарактерностью» в один час не наделать таких глупостей, которых не исправит характерность и в целый год... О. ректор! ускользнуло от тебя и третье архиерейское место! ускользнет и четвертое! кто не думает о другом, тот напрасно думает о себе...

Понедельник, 6 февр<аля>

Ночью скончался после долговременной болезни студент Феодор Кириллович Ботвиновский^[31]. Успокой, Господи, душу его! Был хорошо приготовлен к смерти. Ныне же состоялось журнальное определение Правления о том, что вследствие резолюции Владыки о. архимандрит Феофан увольняется и его должность поручается о. Даниилу; о чем предписывается старшему (?!) помощнику инспектора о. Антонину объявить студентам. Немедленно я объявил.

Вторник, 7 февраля

Думал было поздравить *батюшку* (κατ'ἑξωχήν)^[32] с днем Ангела, но сообразил, что должен быть при погребении усопшего. Обедни не служил. После отпевания провожал усопшего на Владимирское кладбище^[33], пропешествовав верст 6 или 7. Похоронив его, закусили у о. Константина Алексеевича Троицкого^[34] (брата Платону Алексеевичу)^[35] и возвратились восвояси.

Τρίωδιον^[36].

Воскресенье, 12 февр<аля>^[37]

«Не помолимся фарисейски братие!»^[38] Алеше миленькому^[39], имениннику нынешнему, вечный покой и царство небесное! Вечером в комнатах о. ректора была ученая Конференция, предметом коей было: 1. составление руководства к чтению Св. Писания, причем на мою долю досталось написать о книгах Соломоновых. 2. Рассмотрение синодального предложения о составлении полного круга проповедей на целый год для сельских священников. 3. Рассмотрение составленной священником Алексием Петровским^[40] (ай да XI курс!) греческой хрестоматии для духовных училищ. О. новый инспектор предлагал между прочим на

обсуждение общее щекопливейший пункт инспекторской должности – распоряжение классом в случае болезни какого-нибудь наставника. В минувшую среду или пятницу у него было столкновение по этому поводу с Иваном Петровичем^[41], заставившее наставников наших прозреть в простачке Даниле себе на уме суцаго о. Даниила... Это начало болезнем.

Не помню в какой день я узнал, что Иван Михайлович отказался цензуровать мои проповеди и передал их о. Антонию. Это на первый раз крепко меня огорчило. О, судьба, судьба! подумал я. Ты меня хочешь сделать совершенно восковым... Гнишь и мнишь и извивайся, кланяйся и ласкайся – забудь и думать о ропоте и неудовольствии! – Нечего делать! пошел к о. Антонию просить милости своему исчадию. Что ж? каково было мое изумление, когда я получил сведение, что уже четыре проповеди мои прочтены и могут быть хоть зараз печатаемы... И прочие все будут прочтены также вскорости. Вот как вдруг пошло дело! От Ивана Михайловича не дожидаться бы верно и в полгода того, что сделал о. Антоний в неделю. Да притом и цензура теперь такая милостивая, что лучшей и требовать грешно. Итак – нет худа без добра!

Суббота, 18 февр<аля>

Получил первые две тетради своей рукописи с позволением печатать. Стало уже не только занимательно, но и тревожно. Как! уж и печатать можно? Да это просто: не знать что делать! Как печатать? Где печатать? Когда печатать? На какой бумаге? В каком формате? каким шрифтом? Напасть да и только! А напастнее всего: где взять денег на напечатание? Просить у родителей?^[42] У дяди?..^[43] Занять у «Воскресного чтения»?^[44] Украсть? Наковать самому?.. Ну, просто хоть с ума сходи! – Вечером б<атюшка> получил письмо от Пр<еосвященного> Иннокентия^[45].

Воскресение, 19 февр<аля>

Сыну лукавому ничто же есть благо!^[46] Служил обедню и это чуть помню. Прочее же все предано забвению. Вечером, вероятно, ездили к о. наместнику за совещанием^[47]. Сперва авва говорил батюшке: куда тебе ехать? больному? пускай вот едет Антонин! Потом, разговорившись порядком, уже посылал его в Рим, а мне говорил: ступай в Морею!^[48] Это шуточное слово почему-то запало глубоко мне на сердце, и я не спал потом целую ночь, думая об Афинах, Палестине и всем Востоке...^[49]

Понедельник, 20 ф<евраля>

Во время обедни мне пришла великолепная мысль уладить все дело единым махом... Что тут долго думать о изыскании средств печатания? Пойду к отцу моему ректору и реку: отче! несмы достоин нарешися богатым человеком. Сотвори мя, яко единого от наемник журнала твоего; т. е. попрошу о. ректора, нельзя ли будет поместить несколько проповедей моих в «Воскресное чтение» прежде, нежели они напечатываются отдельно и таким образом пособить мне в моем предприятии?..^[50] Пошел и паче чаяния встретил совершенное его на то согласие. Потом чем занимался – не вем.

Вторник, 21 февр<аля>

Имел дело с Кочубеевским комиссионером Метелицею на счет бумаги^[51]. Виделся с Вальнером^[52] и чуть-чуть не заключил с ним контракта о напечатании моего «Круга». После обеда ушел к наместнику Михайловскому^[53] и умолил его *благословить* мое дело^[54]. Спасибо ему, благословил охотно. После чего мы ездили к Гликсбергу^[55] и заключили с Калиновским^[56] условие, вследствие которого я послал к Вальнеру извинение (все это было вчера)^[57].

ВЕСНА

Как-время
Ни прекрещеся,
Все ома
Препомнися—
Злой недуг
Мне сущи,—
Душу Крчю
Закрылишь...

МАРТЪ.

Среда 1 число.
Писем, писем и писем! Утром все, что можно сказать о кресте
своем при силе души. Утром, разумеется, сегодня королем, а Ака-
демия похрустала в абсолют. Мое отб. поставили только
о том и о том Ломоносов, но ему отогнали прибавивша-
ния трагедии о периферии профессий и интелли-
гентствах и о периферии профессий и интелли-
гентствах.

Среда 1 число.
Книжки изданы все неослаблен по себе заливательство
Стефан. Милосердие от: малолетка. Доброго отом зало, что
нефласть отенкику саму кипит вить в рекомендацию тому
перутому зно.

Суббота 4 марта.
О. С. Губин (вспомогательный) в Москве и в Липецке. Святи-
такий побегий не собьтусае ему Губин. Долго зноае в от-
вращае си от кабр. от ввратима немае писань от-
вотное мило в писань. Неисротае от мид риниде-

Весна

Как весна
Ни прекрасна,
Все она
Преопасна —
Злой недуг
Мне сулит,
Душу «Круг»
Закружит.

Март

Среда, 1 число

Блины, блины и блины! Вот все, что можно сказать о каждом из сих дней. Ученье, разумеется, сегодня кончилось, и академия погрузилась в абсолюте. Мы с батюшкой^[58] постоянно толкуем о Риме и об Афинах, к чему отчасти примешиваются трактаты о неприязненных прежней инспекции отзывах и действиях нового инспектора и о кое чем прочем...

Четверток и пятюк

Ни тот, ни друтой день не оставили по себе замечательных следов. Известное дело: маслянка! Довольно одного этого, чтобы не желать Дневнику сему ничего более в рекомендацию тому и друтому дню.

Суббота, 4 марта

О. Ф<еофан> уехал за благословением к Владыке и батюшке. Сверх чаяния последний не советует ему ехать. Долго ждал я возврата его из Лавры. Он возвратился и стал писать ответное письмо в Питер. Истребовав от меня решительное да, он стал рекомендовать в Афины... Я изнемогал от треволения душевного. Когда письмо было кончено, б<атюшка> настоял непременно, чтобы подписался и я. Я засвидетельствовал истину своего желания и предал судьбу свою воле Божией.

Воскресение, 6 марта

Целовник^[59]. Служили обедню, после чего поехали на прощание с Владыкою. Слушали у него проповедь, закусили у него и простились с ним. Обедали в трапезе и к вечерне прибыли восвояси. С 8-ми по 11-ть часов сидели по обычаю у о. ректора и простились с ним, а потом и друг с другом. Господи! прости наше лицемерие!

Великий пост

Чистый понедельник, 6 <число> Начали с помощью Божиею поститься, и я принялся за сочинение следующих проповедей «Круга», и именно Пасхальной. В четверток кончил ее. В пятницу писал уже проповедь на пассию второй недели. Хотели с б<атюшкой> ехать исповедаться в Лавру, но не нашлось для нас экипажа. Нов<ый> инспектор не пожелал взять из Лавры духовника и поручил исповедывать студентов о. Арсению. И все это делается потому, чтобы решительно истребить так называемую феофановщину!.. При таком инспек-

торе можно ли быть усердным мне – феофановскому помощнику?.. Уже одни дела певческие оттолкнули меня совершенно от о. Даниила! – Прости, Господи! Не в такое бы время заниматься подобными пересудами. В досаду вводит и типография^[60], доселе не напечатавшая ни одного листа моих проповедей, хотя обещание дано было печатать каждую неделю полтора листа и на крайность – лист.

Суббота, 11 марта

Намеревался служить раннюю обедню, но проспал (?) утреню. Что делать? Уж как пошло неладно, так не поправишь своей оплошности. Зато целый день и ночью очень долго писал проповедь. Так много зараз, кажется, еще никогда не писал.

Воскресение, 12 марта

Видел ночью, часу во 2-м или 3-м чудный сон. Куда-то ехал или шел вместе с Петром^[61] за город. Там неожиданно встретил меня о. Парфений^[62] и, показывая особенным образом исписанный им лист бумаги, утверждал, что по силе писанного тут меня надобно постричь в схиму. Я принял это с великою горестию и неохотою и отказывался от того. Но он, немного думая, снял с себя клобук или куколь и надел на меня, прибавив: *будь ты Пимен многоболезненный!* Мне жаль стало прежнего имени и прежнего положения. Я горько заплакал, но потом скрепился сердцем и сказал сам себе: разве я не человек? – Когда так или иначе стал схимником, то так тому и быть, надобно и жить по-схимнически! О. Парфений собирался потом ехать назад в город вместе со мною для моего утешения и подкрепления, но я сказал: пойдем пешие, и он был рад этому. Потом его не стало, и я остался один. Меня опять взяло горе. Иду куда-то; смотрю: Петр мой лежит и спит, раскидавшись. Я хотел прикрыть его одеялом, но совесть сказала мне: теперь тебе – схимнику – уже неприлично заниматься этим. Затем сцена переменилась. Вижу: стою во множестве народа... Из города тянется длинная процессия монахов и послушников с зажженными свечами, и все, кажется, из здешнего монастыря. Они приближаются ко мне с тем, чтобы совершить мой постриг. Я стоял перед стеною, и передо мною была икона Василия Великаго. Дошедши до меня, процессия остановилась и о. Анастасий^[63] спросил: чего ради пришел еси семо?

Услышав это, я припал к иконе Святителя и горько зарыдал. Что было дальше, уже не помню. Некоторым объяснением этого сна может быть то, что сегодня в Петербурге получено будет письмо с изъявленным мною желанием быть в Афинской миссии. День прошел без особенных приключений. Написал в проповедь мало.

Вторник, 14 марта

На часы с батюшкой поехали в Лавру и прямо спустились к ближним пещерам. Отстояв преждеосвященную обедню, тут, в алтаре, у престола исповедались. Потом зашли к батюшке о. Парфению. Когда я рассказал ему свой сон, он сказал: верно тебе Господь пошлет какой-нибудь подвиг на спасение души! – Вечером в тот же день я ходил к о. Антонию осведомиться о судьбе стихов своих, и он при мне же пропустил их к напечатанию^[64]. Что за милый цензор! Целую ночь потом я кое-что исправлял в них.

Среда, 15 марта

Занимался тем же делом, или, вернее, оканчивал проповедь на пассию. Вечером Ф.В.Ч.^[65] пригласил нас на музыкальный вечер к Ник. А. Р-у.^[66] Сперва мы слышали квартет Гайдена, потом Шторха, потом еще кого-то и, в заключение всего, Бетховена. Последний заставил нас совершенно растеряться. Что за пречудная композиция! Отчета о слышанном не могу дать.

Четверток, 16 марта

К удивлению моему, во сне не увидел и не услышал ничего, а думал, что услышу по крайней мере гармонию сфер. О. Феофан видел во сне, что ему подавали прекрасный, золотоукрашенный бокал, но подаваемое досталось в руки не ему, а кому-то состоявшему вблизи него. Целый день я переписывал проповедь для завтешней пассивности. Разумеется, был и в классе^[67].

Пяток 17 марта

О. ректор потерял голос, а потому просил меня прочитать Евангелие на пассивности, как имеющего проповедь говорить. Я предлагал эту честь о. Феофану. Но чуть тот отказался, о. Даниил взял ее себе, и очень кстати. У меня решительно не стало бы духа проговорить и половину проповеди. И то совершенно истомил себя и публику. Убедился-таки я, что длинная проповедь есть и безумие, и преступление... Дал бы Бог после этого и покаяться! – Неприятно мне было поручение писать проповедь на пассивность, когда у меня и без того сидят на шее с десятком неготовых для второй части «Круга»... Теперь вижу, что и это худо не без добра. Так как теперь уже есть готовые на две пассивности, то немного остается потрудиться, дописать остальные две проповеди пассивности и усилить таким образом еще несколько *Круг* свой... У именинника несчастье.

Суббота, 18 число

Верно истомился классом или чем-нибудь занят был особенным, что в целый день и вечер написал только 18 строк об Иудинем окаянстве. Погода стоит холодная и ни на что не похожая. Печатание мое идет премеделенно: доселе отпечатан один только лист. В Воскресном чтении есть уже моя проповедь о Страшном Суде^[68].

Воскресение, 19 марта

По приглашении возлюбленного батюшки о. Ивана служил обедню в Никольской (или Ильинской) церкви^[69] с о. Антонием. После обедни отпевали и хоронили усопшего брата Михаила. Мир душе его и вечная память! Верно, обед был с немалым утешением, потому что в архиве моем не значится, на сей день ни единой строки написанной в честь «Круга». Ночью давече видел письмо Преосвященного Иннокентия к батюшке о. Феофану. Памятны между прочим следующие слова: «Вам (о. Феофану) путь лежит в розах. Что ж касается до о. Антонина, то его путь лежит через терния. А именно, он назначается в Алеутскую миссию». Когда я, сетуя, рассказывал кому-то об этом известии, то в утешение мне говорили, «что ведь в Америке тоже есть много монастырей и еще более, чем в России. Есть также и Лавра».

Суббота, 25 марта

Все минувшие дни шли однообразно. Ходил в класс и писал «Круг». 22-го кончил об Иуде и начал об Иоанне. Вчера удалось написать только пять строк. 21-го во сне был в Далматове^[70], видел братца, одет был в светское платье, и притом дурно. Сегодня^[71] был близко к о. Парфению, даже поднес ему три чашки чаю. Кроме того, ехал во Францию и переменил себе имя на какое-то жидовское, за что, по законам, следовало меня расстрелять 60-ю выстрелами. Однако ж, по представительству посланника, выстрелы пущены были мимо меня. Служили обедню в академической церкви^[72]. У о. ректора обедали. Погода немилосердно холодная. Ради сего и Владыка не служил у нас. О. Даниил гремел словесом...

Воскресение, 26 марта

Ходил на раннюю. В обед кончил последнюю из пассионных бесед. Теперь, кажется, уже весь «Круг» мой приведен к вожделенному концу. Думаю, что от радости учинил набег на михайловского калугера^[73]. Впрочем, исторических известий на то не обретається.

Понедельник, 27 ч<исло>

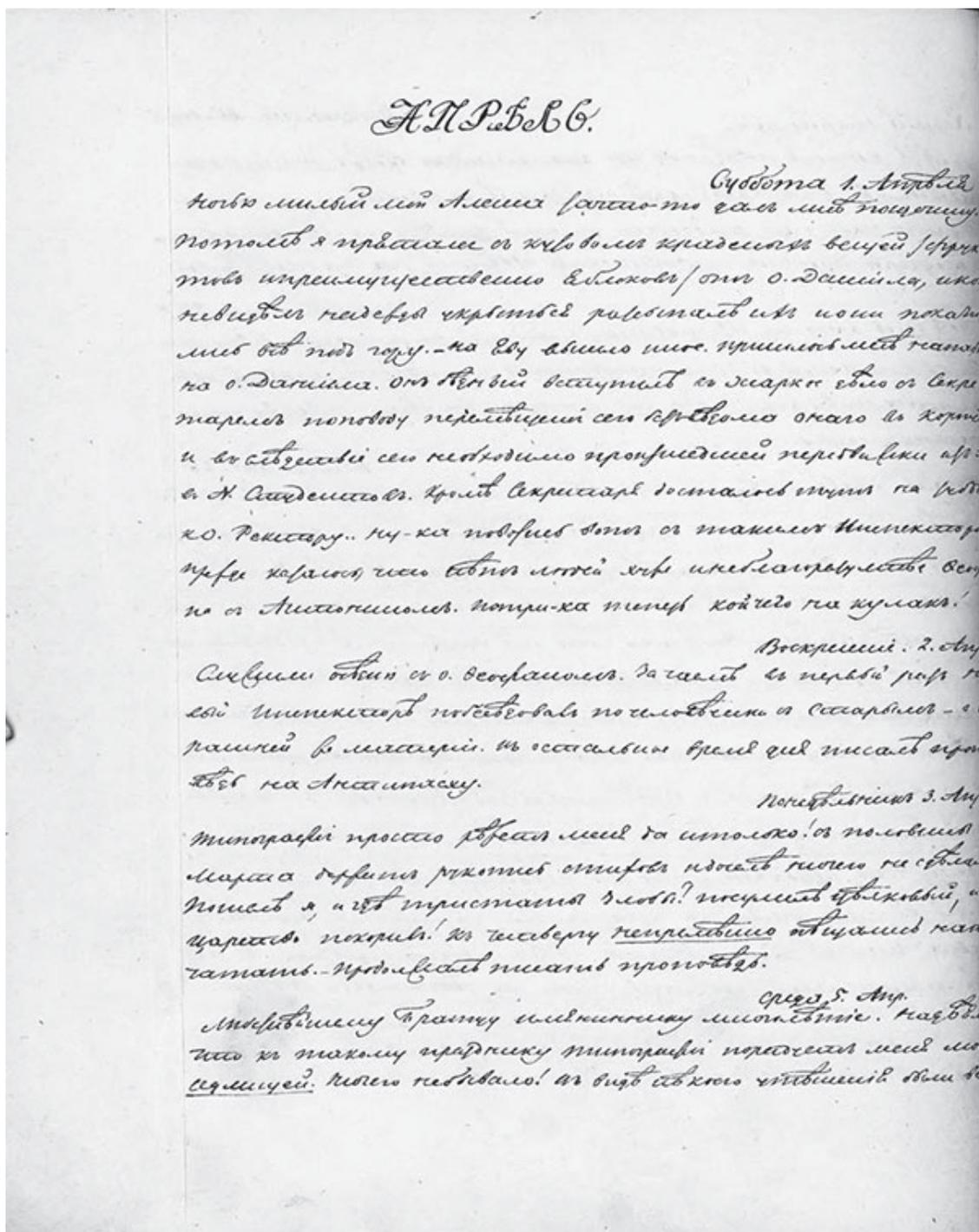
Весь день этот безотдышно трудился над переписыванием вновь сочиненных дополнительных проповедей и опять крепко истомил руку. Когда-то кончу я свое дело и ублажу теперешнюю муку?..

Вторник, 28 <марта>

Спал тяжело и дурно, встал еще в большем неудовольствии. Пил чай кое-как, но вдруг все переменилось. О. Феофан пришел ко мне с письмом из Петербурга. Один из родственников его, медик, лечивший Преосвященного Иннокентия, получил поручение известить о. Феофана, что он назначен Св. Синодом в Рим к миссии, с жалованьем 1500 рублей серебром и что предварительно будет вызван в Петербург. В этом же письме по секрету писано было от имени Преосвященного Иннокентия, чтобы о. Феофан еще раз и решительнее поручился *за качества той особы, которая изъявила желание быть в Афинах*; потому что, прибавлено, от сей рекомендации будет зависеть *ее назначение на избираемое ею место*... Ну! Антонин! Итак, дело может выйти очень серьезное. И ты, действительно, можешь быть в Афинах!.. Ай! ай!

Четверток, 30 ч<исла>

Полетела желанная рекомендация!.. Будем теперь сидеть, да у моря погоды ждать.

Апрель

Суббота, 1 апреля

Ночью милый мой Алеша за что-то дал мне пощечину. Потом я прятался с кузовом краденых вещей (фруктов и преимущественно яблоков) от о. Даниила и, когда не видел надежды укрыться, рассыпал их, и они покатались все под гору. Наяву вышло иное. Пришлось мне напасть на о. Даниила. Он бедный вступил в жаркое дело с секретарем по поводу перемещения сего без ведома одного в корпус и вследствие сего необходимо происшедшей передвижки из N в N студентов. Кроме секретаря досталось тут на зубы и о. ректору... Ну-ка повозись

вот с таким инспектором. Прежде казалось, что нет людей хуже и неблагоразумнее Феофана с Антонином. Потрика теперь кой-чего на кулак!

Воскресение, 2 апреля

Служили обедню с о. Феофаном. За чаем в первый раз новый инспектор побеседовал по-человечески с старым, о вчерашней же материи. В остальное время дня писал проповедь на Антипасху.

Понедельник, 3 апреля.

Типография просто режет меня, да и только! С половины марта держит рукопись стихов и доселе ничего не сделала. Пошел я, и где тристаты (sic!) злобы? посулил целковый и царство покорил! К четвергу *непрерывно* обещались напечатать. Продолжал писать проповедь.

Среда, 5 апреля

Любезнейшему братцу – имениннику многолетие. Надеюсь, что к такому празднику типография порадует меня моей седмицей. Ничего не бывало! В виде некоего утешения были вечером поклоны^[74]. Чтение жития Преподобной Марии напомнило мне что-то святое и чудное, виденное давече во сне, но чего теперь не припомню.

Четверток, 6 апреля

Был в классе. После обеда немного писнул для проповеди. Вечером, наконец, я узрел «Седмицу Страстей Христовых» и восчувствовал себя родителем. Первородная моя^[75] такая чистенькая, беленькая, легонькая (?), пустенькая, что грешно было бы не улыбнуться, глядя на нее. Немедленно я послал экземпляры цензору и долго не спал потом. Ну, Антонин, попал в стихотворы! Как бы из стихотвора не попасть в смехотвора?..

Пятница, 7 апреля

Верный идее перворождающего молодого автора, взял под мышку несколько экземпляров книжицы и пошел к книгопродавцам. Должикова^[76] не застал дома. С Стефаном Литовым^[77] не сошелся. У Ив<ана> Литова^[78] наконец попал в сети. Увлечшись желанием разделаться книгами за книги, я уступил ему за совершенный бесценник 500 экземпляров, набравши у него пустых и ненужных книг. Впрочем, в тот же час раскаялся и после обеда послал приказание выдать только 400 экземпляров. Перед вечерней имел свидание с Павл<ом> Петр<овичем> Должиковым – потому же делу. В пять часов принесли икону Божией Матери в большую церковь, послужили утреню, после коей я все-таки успел чиркнуть малючечко для «Круга».

Суббота, 8 число

Приготовлял к отсылке книжки. Служил обедню, у о. ректора обедал. Послал Петра на почту, который мучился там до всеобщей вплоть и избавлен был от напастей уже геройским поступком Ивана.

Воскресение, 9 апр<еля>

Всю эту неделю главным образом занят был раздачею и рассылкою «Седмицы». Писал отчасти и проповеди для «Круга». Так, 11-го и 13-го числа значится, что писал слово на неделю расслабленного. В четверток и пятницу вечерами мы с б<атюшкой> и о. Нектарием слушали чтение любезнейшего графа Павла Евграфовича Комаровского из записок отца его о былом времени.

Суббота, 15 апр<еля>

Несколько лет сряду я служил в этот день в академической церкви по заведенному издревле обычаю. Новое начальство нынешнее не уважило древнего обычая, и обедню служили в большой церкви. Я было и готовился служить, да не нашлось места. В три часа, по обычаю, зазвонили на вербную церемонию. А между тем ко мне пришел гость решительно нечаянный, о. Пимен Троепольский^[79], переезжающий на смотрительство в Севск. В церемонии я не участвовал, и дома говорил проповедь одну из сущих в «Круге». Чай с о. Нектарием там у о. Даниила. Чему приписать это счастье – не знаю.

Воскресение, 16 апр<еля>

Служил утреню в большой церкви. Для освящения вербы по прошлогоднему примеру ходили кругом церкви. После обедни обедали у о. ректора. Петро мой собрался на праздник и никак не выедет ни вчера, ни сегодня. Напасть парню! Ходил в гости к михайловскому притворнику^[80]. Погода стала тепла. Кое-где показалась зелень. Но судя по времен и, теперь надлежало бы уже быть весне в полном блеске. В Киеве теперь живет знаменитый А. Н. Муравьев^[81]. Вчера он был на перенесении вербы и слушал мое словесо. Слышно, что он привез частицу мощей апостола Андрея для Андреевской церкви^[82].

СЕДМИЦА СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХ

Страждет, яко смертен и страстию смертное в нетление облачит благолепие. Един благословен отцев Бог и препрославлен^[83]

Великий Понедельник, 17 <апреля>

А во сне душу занимает все та же суета. Вижу, приходит о. Нектарий^[84] и приносит жалобу на Петра, что он ведет себя гордо и заносчиво. После служб писал для «Круга». В 6 часов вечера засели с батюшкой к грешному самовару и занимаемся себе тем да сем. В половине 8-го неожиданно является о. Нектарий и поздравляет меня с *настоятельством при Афинской миссии*. Какой-то секретарь синодский писал о. Антонию, что меня Св. Синод определяет на это место, причем, по заведенному правилу для всех отправляющихся в миссию иеромонахов, полагает дать мне *кабинетный крест*, а между тем спрашивает нашего Владыку, неблагоугодно ли будет ему представить меня в *сан архимандрита*... Ну... У меня не стало головы! Итак, я решительно буду на Востоке!! в Иерусалиме!! в Египте!! Ай! ай! Как бы не сойти с ума. Проводивши вестника, вел беседу с аввою Иоанникием и, как ни был встревожен, возвратившись восвояси, писнул строк 15 в свой бесконечный «Круг».

Вел<икий> Вторник, 18 апр<еля>

Хотел служить по сделанному вчера условию, но авва Даниил заставил меня снять епитрахиль, изрекши, что сегодня он служит. На часах я сообщил о. ректору весть о своем назначении. Он потрепал бороду и сказал: ну! а я хотел рекомендовать вас ректором куда-нибудь... Ха! ха! хотел?!

Вел<икая> Среда, 19 апр<еля>

Кажется, служил с о. ректором, либо с о. Феофаном. Потом ушел в Лавру на пещеры. Отстоял у батюшки всенощную, после которой и исповедался. Радуюсь, что выбросил из души два тяжелые греха... О, если бы к ним никогда более не простирать руки! Условился завтра служить обедню с батюшкой и о. Пименом. Но захотелось дать батюшке в подарок своих седмиц и сегодня я ночевать отправился домой.

Вел<икий> Четверток, 20 <апреля>

Встал в 4 часа. Как ни спешил на служение, но опоздал. Слушал в горе обедню и общился, не служа, с терзанием совести. У о. наместника хорошо соснул. Стоял на поздней обедне и смотрел на умовение ног^[85]. Вечером дома был на «Стоянии» и читал одно из Евангелий^[86].

Вел<икий> Пяток, 21 ч<исла>

Был за часами. В 2 часа служил с братьями вечерню. Против обычая, проповедь говорил студент, и притом до выноса плащаницы, тотчас после Евангелия. Прочее все происходило, как обыкновенно бывало.

Вел<икая> Суббота 22 ч<исла>

Служили утреню. При обношении плащаницы чувствовался холод с ветром и дождем. Жаль, если и на завтра протянется такая же погода! Отдохнувши, суетился и пекся о мнозе ради завтрашнего праздника; после того была обедня глубоко умилительная. По окончании ее с о. Иоанникием погрелись у самовара. Потом намеревались заснуть, но сего не случилось.

Пошел дождь, и погода стала необыкновенно тяжела и неприятна. Пообедавши мало, я кидался на различные предметы, чтоб чем-нибудь занять душу. Наконец, утомившись и отяжелевши, прилег на диван и встал, когда уже колокол возвестил христианскому люду о наступающем торжестве.

ПАСХА

Снизшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси верей вечныя, содержащая связанная, Христе, и тридневен яко от кита Иона, воскресл еси от гроба^[87]

Воскресение 23 апр<еля>

Нанесло снегу на четверть... Так ознаменовала себя, одна из самых поздних, Пасха. Давай радоваться и той, какую Бог послал. Утреню служили с о. ректором, обедню с о. Даниилом. Евангелие читали только на еврейском, греческом и римском с присовокуплением, разумеется, и славянского. Я не читал. Таково было желание нового о. инспектора. Обедню кончили в 8 часов. Первостоятель пригласил нас и на чашку чаю. Мы нашли ее у о. Иоанникия. Ездили обычным образом в Лавру, где я пробыл и вечерню, слушания ради словес о. Нектария. Кончив все, на досуге спешу похристосоваться со всеми любимыми и знаемыми.

Светлый понед<ельник>, 24 апреля

Перед обедней хотели ехать к викарию, но возвратились, узнавши, что он уже служит. После обедни обедали у о. ректора, где немало внимание наше привлекал к себе сахарный бараник, великолепно приготовленный. Уединившись, я писал слово на день преподобного Феодосия. Вечером на всенощной вдруг явился у нас Владыка с визитом. Еще идя в комнаты о. ректора, он заговорил со мною (слышно было, что он очень осердился на мое самоволие). Сидя у о. ректора, он все занят был моим делом и называя желание мое *искушением*, желал, чтобы я согласился с ним в этом. Я сказал: будущее скажет, что оно такое. По отбытии Владыки, мы с Иваном Михайловичем^[88] пили у о. ректора чай. Дома я продолжал писать свое дело.

Светл<ый> вторник, 25 <апреля>

После ранней обедни пошли с аввою Ониюю^[89] визитствовать всю нашу знать и зна- емь. Были прежде всего у о. Антония, потом, прошедши через Генварь, добрались до о. Нек- тария. Отсюда, укравшись, явились кийждо во своей хате. Обедали с гостем о. Пименом, с которым и еще потом посидели трохи немало. Вечером вечерня с утренею и затем самовар, якоже обычно есть быти.

Светл<ая> среда, 26 ч<исла>

Ходили с визитами по наставникам. В сем прошла половина дня. Что происходило в другую половину, о том не легко припомнить, спустивши столько дней (а сколько?) Ну! положивши, что сегодня сидели в гостях у Егора Семеновича^[90], да тем и покончим дело.

Светл<ый>четверток, 27 <апреля>

Кажется, сегодня ездили с о. Нектарием к графу с визитом, оттуда заехали к михайлов- скому ушельнику, а отсюда, кто куда попал. Впрочем, я отстоял здесь и вечерню с всенощ- ной. Дома dokonчил слово на 3-е мая.

Светл<ый> пятък, 28 <апреля>

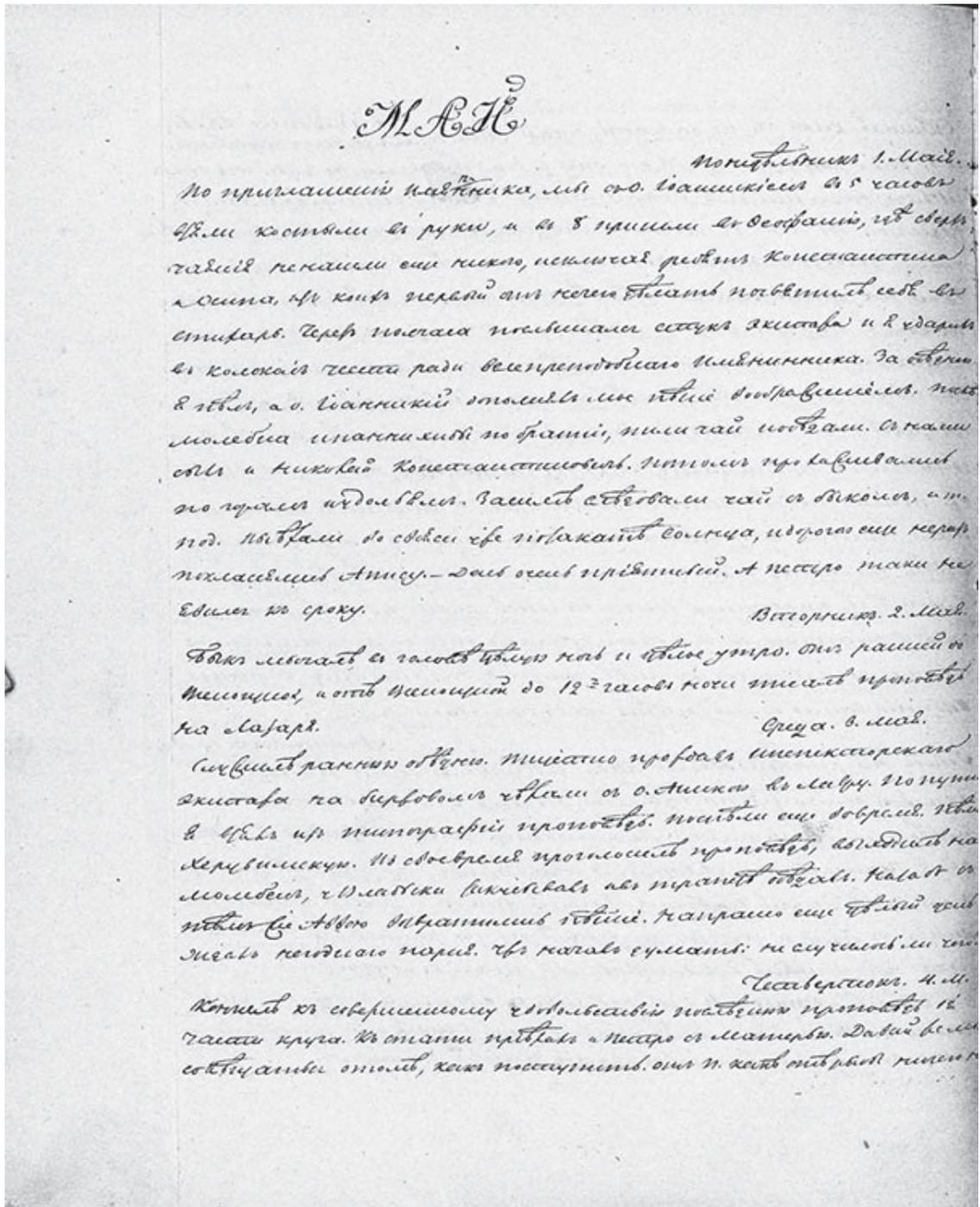
Ходил к ранней обедне; потом ревностно переписывал проповедь до самой вечерни вплоть. Вечерню со всенощною служили с нарочитым торжеством. После службы сидели у о. Иоанникия. Там я получил и проповедь, прошедшую невредимо сквозе цензурное гор- нило. Завтра чуть свет иду с оною в Лавру и служу раннюю обедню с батюшкой на пещерах, потому что, может быть, мы скоро с ним уже и выедем на тот свет.

Св<етлая> суббота, 29 апр<еля>

Спешил, как бы не опоздать, и рад был немало, встретившись с батюшкой как раз при выходе его от о. наместника. Но, увь! он шел совсем не служить, а прогуливаться в саду митрополичьем. Неудачны все мои попытки служить на пещерах^[91]. Верно грехов у меня более, нежели сколько могут стерпеть преподобные отцы. Были на средне-ранней обедне. Потом пили чай и отдыхали. В конце ранней обедни беседовали с графом, его женою и ее матерью, по фамилии Галаган, а по имени Екатериную Васильевною^[92], женщиною пример- ного ума и благочестия. Всем им подарил я по небольшой финифтяной иконочке. Ловил Владыку, чтобы протерзать слух его проповедью, но удалось это уже только после всенощ- ной. Старец начинает принимать меня холодно, говорит ко мне: вы. Однако ж, после чтения проповеди, заговорил опять: ты. Кстати на стене кабинета я увидел картинку Голосиева^[93] моей работы. Мне стало жаль, что я расстаюсь с Владыкою, столько, бывало, милостивым и внимательным ко мне. Что ж? я не виноват в том. Возвратившись домой, сидел около само- вара с б<атюшкой>.

Антипасха, 30 апр<еля>

Был на ранней обедне ради имеющих быть проводи́н графа. Однако ж проводимый не скоро явился. Я уже успел и пообедать. На память маленькому графу Евграфу^[94] я подарил чернильного амура. С сожалением немалым расстался с любезнейшим Павлом Евграфови- чем и, расставшись, еще ходил в бурсу и трубою провожал его по разливам Днепра, пока не потерял из глаз. Если б таких людей побольше было на свете!.. Отправил слово на 3-е мая к о. ректору с просьбою поместить его в «Воскресном чтении». Задумав дополнить «Круг» еще проповедию на Лазареву субботу, начал писать ее после всенощной.

Май

Понедельник, 1 мая

По приглашению именинника, мы с о. Иоанникием в 5 часов взяли костыли в руки и в 8-м пришли в Феофанию, где, сверх чаяния, не нашли еще никого, исключая ребят, Константина и Осипа^[95], из коих первый, от нечего делать посвятил себя в стихарь. Через полчаса послышался стук экипажа, и я ударил в колокол чести ради велепреподобного именинника. За обеднею я пел, а о. Иоанникий дополнял мое пение воображением. После молебна и панихиды по братии, пили чай и обедали. С нами был и Николай Константинович^[96]. Потом прохаживались по горам и удожьям. За сим следовали чай с быком и т<ому> под. Выехали

восвояси уже по закате солнца, и дорогою еще не раз поклонялись Апису^[97]. День очень приятный. А Петро таки не явился к сроку.

Вторник, 2 мая

Бык мычал в голове целую ночь и целое утро. От ранней до всенощной и от всенощной до 12-ти часов ночи писал проповедь на Лазаря.

Среда, 3 мая

Служил раннюю обедню. Тщетно прождав инспекторского экипажа, на биржевом уехали с о. Аникою^[98] в Лавру. По пути я взял из типографии проповедь^[99]. Поспели еще вовремя. Пели Херувимскую. В свое время проголосил проповедь, выходил на молебен, у Владыки закусывал и в трапезе обедал. Назад с тем же аввою возвратились пешие. Напрасно еще целый день ждал негодного парня. Уж начал думать: не случилось ли чего?

Четверток, 4 м<ая>

Кончил к совершенному удовольствию последнюю проповедь первой части «Круга». Кстати, приехал и Петро с своей матерью. Давай же мы совещаться о том, как поступить. От П<етра>, как от рыбы ничего не допытаться, а матушка только охает да плачет. Ну, так Бог с вами! Что мне вас насильно брать на шею себе. Хотя и тяжело ехать одному, зато для души легче.

Пятница, 5 ч<исла> м<ая>

Полагаю, что занят был перепискою *Душеполезной Четырдесятницы*. Петро с матерью продолжают вздыхать... Бедное положение матери! Одна дочь убежала и живет теперь на Кавказе. Другой сын вздумал ехать за границу. Третье дитя не подает особенной надежды... Жаль, а потому предоставляю действовать по совершенной свободе. Неприятно только то, что питомец мой, на которого столько расточено сил моих, душевных и телесных, не высказывает при этом ни малейшей черты привязанности ко мне...

Суббота, 6 мая

Класс препятствует поздравить именинника. Пусть он живет, пока вырастут новые зубы!.. После обеда мать Петрова собралась домой, и, когда я просил дать решительный ответ, молчание сына и холодность сына показали мне, что между ими и мною дело кончено. На этом я и простился со старушкою, пожелав ей много лет жить и радоваться о своих детях. Сам лег спать. Перед всенощною они опять явились, и Петр желал докончить дело, хотя я уже кончил прежде. Тут я уже сказал ему, что после того, как он не высказал передо мною желания быть при мне, то теперь, хотя бы и просил о том, я не возьму его с собою. Это его опечалило, и он стал просить. Мне, разумеется, жаль было расстаться с ним, и я рад был его просьбе, хотя уже и не совершенно свободной и вседушевной. Я еще раз выставил ему на вид все, что связывается предвидимого и непредвиденного с его решимостью ехать со мною, и сказал решительно, что не иначе возьму с собою его, как если он признает себя моим сыном и отдастся в совершенную мою волю. Все это он повторил слово в слово и со слезами поклонился мне в ноги. Я его благословил, обнял и поцеловал как сына. Мать смотрела на все это и плакала. Так, к общему всех нас успокоению, кончилось это немалотревожное дело! Я, признаюсь, не ожидал встретить тут даже и самого малого затруднения. Издавна знал, что Петр готов был ехать куда бы то ни было при первом случае, и, сколько раз я ни вызывал стороною на новую поверку его образ мыслей об этом, всегда он был себе верен. Даже еще не так давно, когда он узнал, что о. Феофану вышло утверждение ехать в Рим, то говорил: «если б мне пришлось куда-нибудь (хотелось сказать: туда же) поехать?...» Что ж? сказал я.

Вот просись и поезжай с батюшкой! – «Э?.. если б вы поехали... Попроситесь, чтоб и вас туда же назначили». – А ты поехал бы со мною? – «Хоть сей час!» – А учиться? – «Учиться везде можно!» Надобно было мне тогда прибавить: а матушка? Но знаю, что бы он сказал на это. – Ну, как бы то ни было, теперь он *мой* и мой *совершенно!* И как мы жили вместе и служили один другому, так (если Бог благословит) и в Греции будем жить друг для друга. Отрадное и утешительное представление для меня, странника! Простившись с матушкой до времени, ушел на всенощную. Вечером еще много много говорил с Петром. Но негодный в результат всего сказал мне: «какие вы чудные!» – Ну!?!?!

Воскресение, 7 мая

Служил, вероятно, раннюю обедню. Прочих обстоятельств дня не могу припомнить. Вечером, конечно, была всенощная и правилась в академической церкви. Предполагали, что Владыка будет завтра служить, но оказалось, что обойдемся и без него. Только бедного Василия Ив<ановича> Трейерова^[100] о. ректор истревожил напрасно проповедию.

Понедельник, 8 ч<исло>

Служили обедню с своим настоятелем, у которого потом закусывали, а кой кто и обедал. Вечером опять всенощная.

Вторник, 9 мая

Перед обедней получили известие о том, что Владыка получил Владимира 1-ю степень и желает принять поздравление от академии в Никольском монастыре. Мы и без того приглашены туда на обед. К концу тамошней обедни мы действительно собрались по назначению и поздравили старца Божия с радостью, которой ему еще недоставало. Он был весел и за столом изъявил некое удивление, что получить награду и отпраздновать ему пришлось в монастыре о. Антония^[101]. Услужливый Петр Павлович^[102] досказал пророчество... Пошла комедия! – Жаль Преосвященного vicария! Заметно, он был не весел.

15-го числа ездил с о. Нектарием в Феофанию.

Среда, 17 мая

Преполование Пятидесятницы. У нас, не весть чего ради, сегодня не учатся. Ходил на позднюю обедню. У Льва святил воду Преосвященный vicарий. Больше не знаю, что записать.

Пятница 19 ч<исло>

После обеда явился с палицею чернец михайловский и стащил меня с постели. Разбой, да и только. Только что мы кончил и с ним по чаю, неожидан но позвали ко всенощной. Долго искали мы, что за праздник завтра и недоискавшись, пошли в Михайловский. Там узнали, что завтра тезоименитство в<еликого> князя Алексия Александровича^[103]. Немедля я возвратился восвосяи.

Суббота, 20 мая

Был в классе. На всенощную ходил в семинарскую церковь слушать пасхальный канон, особенного напева. Напев этот – тот самый, который я слышал назад тому 19 лет в Перми^[104]. Необыкновенно нежный и гармонический, он мне невольно напомнил старое время молодости, и я умилился. После службы заходил к о. Нектариию на чай.

Воскресение, 21 мая

Был на поздней обедне. Выходил на молебен. Вот и все мои нынешние дела. С Данилою^[105] передал о. Феодору Борщаговскому^[106] желание служить в его церкви во вторник. На Софийский собор^[107] сегодня поднимали, вновь через огонь вызолоченные, кресты.

Понедельник, 22 <мая>

Непосредственно после заутрени пошел в Лавру. Погода была великолепная. Утро превосходное. В саду несказанно любовался красотами расцветающей природы и положил твердую мысль при досуге афинском писать: *разговоры о жизни человеческой*. В Лавре отстоял беззвонную, у о. Поликарпа^[108] пил чай и поучался многому кое-чему об Афинах. На обратном пути, вероятно, заходил в Михайловский и советовался на счет завтрашней поездки.

Вторник, 23 <мая>

После заутрени собирался с припасами и часов в 7-м явился к о. Макарию^[109]. С ним уехали в Борщаговку^[110]. На сей раз я нашел все приготовленным по своему желанию. Отслужил обедню и панихиду о миленьком дружке^[111]. К сожалению, обедню служил нехорошо, по непривычке, без диакона не раз ошибался, не умея поставить дискоса на голову перед великим выходом, оплошал и уронил пол-агнца на пол и т<ак> далее... Кончив служение, с аввою и о. Феодором^[112] пили чай и обедали. Потом до самого вечера катались с чернецом на лодке по пруду. Пили чай и веселехонько отправились восвояси, по закате солнца. Возвратившись домой, я узнал, что без меня приезжали ко мне в гости отцы миссионеры лаврские, Амвросий и Поликарп. Жаль!

Среда, 24 мая

О. Симеону^[113] приснопамятному на именины великое многолетие! Собрал все отпечатанные листы своего «Круга» и отправил их к цензору вместе с рукописью. Набирается уже последняя проповедь. Скоро наступит торжество, паче всякаго доселе бывшего.

Четверток, 25 м<ая>

Ради близящегося экзамена, в классе стал продолжать чтение герменевтики по старым лекциям, кое-как, с грехом пополам. Признаюсь, так наскучила герменевтика, что я невольно радуюсь за свое афинство, избавляющее меня от подобных химер...

Суббота, 27 мая

Ждут вел<икого> князя Костантина Николаевича^[114]. Некоторые говорят даже, что он уже приехал. На всенощную ходил в крестовую церковь Михайловскую^[115] слушать канон того же вышесказанного напева. Прелесть, да и только. Приглашал с собою идти Петра, но он сказал, что придет после, а теперь ему нужно еще идти купаться... А??! примем к сведению...

Воскресение, 28 мая

И сегодня «сын» мой выкинул такую же штуку. Под различными предложениями отговорился идти со мною в Лавру, чтобы идти немного спустя с тем, с кем нужно... Нехай и так! Что сеешь, то и пожнешь!.. В Лавре я нашел, что Владыка с шести часов в церкви сидит совсем одетый и ждет великого князя, чтоб начать обедню. Но князь не явился ни в 7, ни в 8, ни в 9, ни в 10 часов. В 11, не дождавшись его, начали служить. По окончании службы Владыка еще остался ждать в церкви. Я от утомления пошел до хаты, но чуть лишь сел на стул, раздался звон во вся, и народ зашумел. Все двинулось к Св<ятым> вратам. Долго там стояли, наконец хоругви двинулись назад, и мы увидели в<еликого> князя. Сверх чаяния он явился пред нами тощим и худым, а вдобавок всего с черкесскою шапкою. После литии

он поклонился святыне большой церкви, потом заходил к Преосвященному митрополиту и минут через 5 вышел от него и, сопровождаемый духовенством (без митрополита, однако ж) и бесчисленным народом, обратно вышел из Лавры и поехал в Софийский и Михайловский. После обеда в трапезе, с о. ректором выехал домой. Что было за сим, не вем.

Понедельник, 29 мая

Сегодня великий князь делает смотр и закладывает новый бастион крепости^[116]. Мой Петро, разумеется, находится при нем. В семинарии ради гостя закрыто учение. Мы учимся, несмотря ни на что. Макар суетится, не зная, как выполнить поручение своего настоятеля, – отыскать чичероне для одного из адъютантов в <еликого> князя. Старцы Иоанникий и Иануарий^[117] пешеходствовали до внутрь самых пещер видети царственного гостя. Один Семен^[118] устоял против общего влечения.

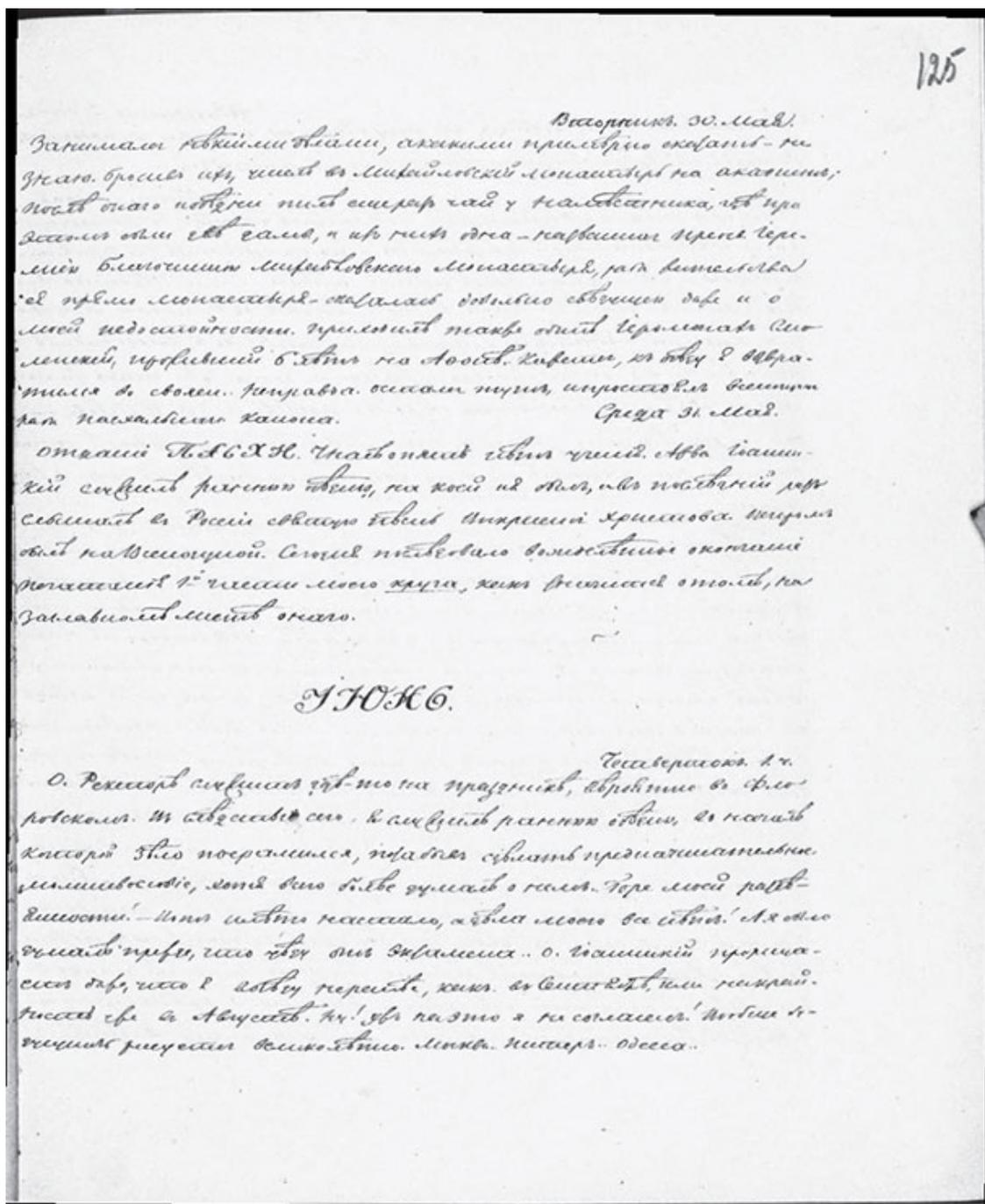
Вторник, 30 мая

Занимался некими делами, а какими, примерно сказать – не знаю. Бросив их, ушел в Михайловский монастырь на акафист.

После оногo и обедни пил еще раз чай у наместника, где при этом были еще две дамы, и из них одна – названная Преосвященным Иеремиею^[119] Благочинною Михайловского монастыря, ради жительствова ее, прямо монастыря, – сказалась довольно сведущею даже и о моей недостойности. Приходил также один иеромонах смоленский, проживший 6 лет на Афоне. Кажется, к обеду я возвратился восвояси... Неправда. Остался тут и простоял всюнощную ради Пасхального канона.

Среда, 31 мая

Отдание ПАСХИ. У нас опять нет учения. Авва Иоанникий служил раннюю обедню, на коей и я был и в коей в последний раз слышал в России Святую песнь Воскресения Христова. Вечером был на всюнощной. Сегодня последовало вожделенное окончание печатания 1-й части моего «Круга», как значится о том на заглавном листе оногo.

Июнь

Четверток, 1 число

О. ректор служил где-то на празднике, вероятно во Флоровском^[120]. Вследствие сего я служил раннюю обедню, в начале которой зело посрамился, позабыв сделать предначертательное молитвословие, хотя всего более думал о нем. Горе моей рассеянности! – Вот и лето настало, а дела моего все нет! А я было думал прежде, что уеду от экзамена... О. Иоанникий прорицает даже, что я выеду не ранее, как в сентябре или, по крайней мере, уже в августе. Ну! уж на это я не согласен! Вообще будущность рисуется великолепно. Москва... Питер... Одесса...

Пятница, 2 июня

Полагаю, что существовал и в эту пятницу, как было в предшествовавшие ей. Равно не припомню ничего из целого дня.

Суббота, 3 июня

Утром стало известно, что о. Даниил утвержден инспектором академии. Вчера получено об этом по бумаге в Правлении нашем и у Владыки. После класса и обеда мало-несколько чем-то занялся. Потом – часа в три, пошел с Петром в Феофанию, которой и достигли благополучно часов в 6-ть. Сверх чаяния, пустынного тамошнего^[121] не застали дома. Едва так захватили деда^[122]. За батюшкой нарочно приезжали из Голосиева, чтоб он служил там завтра. Вот мы и остались вдвоем домовничать, на память былым временам. После чаю скоро и заснули.

Воскресение, 4 июня

Во сне меня куда-то позвали в чужой дом. Дом превратился в баню. Я разделся в передней комнате. Прошедши в другую, я узнал, что меня будут бить палками по распоряжению, как будто чьему-то, незаконному и тайному. Экзекутором – наш банщик Семен. Я с горем и отчаянием приготовился *терпеть* и думал: столько раз Бог миловал меня, ужели теперь он не избавит меня от напасти?... Между тем вместо того, чтоб бить, Семен стал мазать мне спину смолою – то, *что* должно следовать за биением уже. Засим я вышел в переднюю и нашел, что там уже лежат действительно избитые какие-то два профессора семинарские, из коих один как будто Оглоблин^[123]. Они горько жалуются на своевольное незаконное дело с ними. Я спрашивал Семена: как и кто и по чьему приказанию привел меня сюда? Он долго отнекивался, наконец сказал: это велел сделать профессор, кажется, Соловьев^[124] (забыл уже теперь фамилию), но не столько он, сколько жена его. Я крепко озлобился и непременно хотел жаловаться митрополиту. Вместе с избитыми начал писать жалобу, но только что начал, как и позабыл, о чем и что писать. Идучи домой мимо дома о. Антония я подумал: зайду и обругаю его на чем свет стоит. Как он смеет так самовольничать? Поравнявшись с книжною лавкою Лаврскою, я нашел себя перед отпертыми дверями церкви. Служилась обедня. Диакон Антоний^[125] на амвоне читает Евангелие. Подумал я: долго ждать, пока кончится обедня... да притом же о. Антоний может сказать, что он не причиною случившемуся со мною... Наконец что ж? ведь случившагося не переменишь уже, а вдобавок всего меня и не били... Ну его! Так подумал я и пошел себе в Братство...^[126]

Вставши, напились с парнем чаю и занялись он – уроком, я – чтением истории Русской Церкви. Вскоре приехал батюшка о. Феофан и поразил меня следующей новостью: Владыка получил уже и обо мне указ, такой же, какой некогда об о. Феофане, с тем только различием, что меня не вызовут в Петербург. Сразу и неприятность! Но это еще ничто. Владыка чрезвычайно сердит теперь на обоих нас и вместе с батюшкою о. Парфением бранят нас всячески. Долго вчера объявлял о. Феофан Владыке дела наши и кое-как развел гнев его. Чего он бежит, – говорил старец обо мне, – он *обиделся, что я не сделал его инспектором*, но как же мне было обойти Даниила? Ведь это нельзя! Я его *хотел рекомендовать в ректора куда-нибудь в семинарию. Уж в ректора академии я его не мог прочить*. Я не отнимаю у него достоинств, но...» и т. далее. Спасибо за это, старцу Божию, но... После обеда прибыл Данило^[127] и привез батюшке письмо из Питера, коим извещалось, что в Риме есть уже диакон с полным клиром и певчими, и что следовательно остается батюшке только, не забываясь ни о чем, собираться в дорогу и ехать. Отправив Петра с Данилою, я остался ночевать и несколько заснул, тревожимый миллионом мыслей.

Понедельник, 5 июня

В 5 часов уже шумел самовар. В 6-ть мы с батюшкой и дедом пошли по направлению к Киеву. В Голосиевском лесу^[128] расстались, и я полетел, сколько позволяло бескрылие, восвояси. Зашел по дороге к авве михайловскому и известил его о своем деле. В 9-ть часов был уже дома и еще раз засел к самовару о. Иоанникия. Потом писал в Петербург к Димитрию Васильевичу Поленову^[129], причем препроводил и рекомендательную обо мне к нему цидулку добрейшего Феодора Васильевича^[130]. Вечером немножко проехали с о. Нектарием и заехали купаться. Встретили шестиконного архимандрита^[131] на крыльце, сидящим с Иваном Андреевичем^[132] и утешающим сего последнего в его напастях. Искупавшись, засели за стол и давай желать екатеринославскому ректору^[133] безмерное число всевозможных благ. Так как было уже поздно, когда мы перестали желать, и монастырь Братский обретен был нами на запоре, то мы и пустились искать ночлега в семинарии, врата которой, для всех других запертые, пред инспектором оной всегда долгом и честью и удовольствием считают явиться нараспашку.

Вторник, 6 июня

Вставши, напились чаю, хотя это составляло для меня немаловажную задачу. Всегда, когда мне случится поужинать, я мучусь на следующее утро от тяжести в желудке. Когда семинария уселась за парту, я отправился домой, где все нашел благополучно. Вечером ходил в Лавру и упросил о. типографа переплесть экземпляров 20 книги моей в сафьян. Не обретши в доме о. наместника, у шадринского экс-протопопа^[134] пил чай и, покончив сие, отправился восвояси.

Среда, 7 июня

Отправил с Семеном кипу тетрадей к о. типографу для переплета.

Четверток, 8 июня

В классе читал о пантеизме. Увы! скоро кончится мое любезное профессорство. Вот этого одного только заставит пожалеть меня мое великолепное афинство. К обеду пришел стародавний Иов^[135] с своими тремя зубами. Он думал, что я уже скоро выезжаю и принес мне на прощанье сердоликовую печатку. О, Сибирь любезная! Вижу тебя всегда верною себе! Без гостинца и без подарка мы шагу не ступим. Сидели со старцем почти весь день и проводил его на Александровский взвоз^[136]. Получил от цензора книгу с апробацией.

Пятница, 9 июня

Помню только одно: после вечерни панихиду по всех, сущих в монастырском синодике. Кажется, нынешним вечером я узрел произшедшим на сей свет и второе мое чадо^[137]. Впрочем, на это нет прямых и точных свидетельств в истории.

Суббота, 10 июня

Был в *последний раз* в классе. Кончил лекции о безверии разбором пантеизма. Господи! поддержи в питомцах мудрости дух ведения и благочестия! Дай им наставление высшее, которое бы довершило и облагодородило мое скудное начинание! Не без чувства скорби расстался я со студентами. Что делать! пора начать самому учиться!

Вечером была всенощная, во время которой мы условились было с батюшкой о. Ф<еофаном> купаться, но потом он струсил, и я ходил один. Сегодня получил письмо из Батурины^[138].

Воскресение, 11 июня

СОШЕСТВИЕ СВ<ЯТОГО> ДУХА. Обедня началась в половине 10-го, а я рассчитывал, что начнется, как бывало, в 10-ть, а потому не успел даже молитв вычитать порядком. В половине первого кончилось служение и мы пошли к настоятелю на закуску и обед. За всем сим я лег спать и спал вплоть до всенощной, которую правили также в большой церкви, по причине перестройки теплой церкви^[139].

Понедельник, 12 июня

Служили обедню и потом по-вчерашнему закусывали и обедали. Думаю, что <по> примеру вчерашнему же, я спал до вечерни. Сегодня можно с несомненною уверенностью сказать, что я держал в своих объятиях мое новое детище, нареченное *Кругом подвижных праздников Церкви*. Оно так полновесно и благообразно, что не стыдно родительскими очесами воззреть на него. Дай Бог ему расти и укрепляться. Не знаю, скоро ли на него наденет цензор – крест с белою рубашкою. Сидел мало-немного с батюшкой о. Феофаном, который завтра опять уезжает в свою любезную Феофанию. Сегодня меня спрашивали два священника, один из Херсонской епархии, по фамилии Зёров, – товарищ мне по Екатеринославской семинарии^[140], другой – какой-то московский с письмом от Матфия Ивановича^[141]. Петру досталась аlara^[142].

Вторник, 13 июня

Отправил братцу три экземпляра «Круга». После обеда рисовал вид своей хаты. Когда я спал (?), приходил опять Зёров. Послал о. Нектарию книжку и приглашал его в баню. Но оный в таковую не явился, а потому я пошел один. Пришед домой, нашел московского гостя у себя, о. диакона Сергия Михайловича Ефимовского^[143], человека очень образованного и еще очень молодого, но, к сожалению, уже вдовца. Путешествует по России для обозрения монастырей и изучения жизни монашеской. Мы с ним проговорили за полночь.

Среда, 14 июня

После заутрени гость отправился в дальнейший путь. Я дал ему свой «Круг». Сколько оставалось праздного времени до вечера, все я употребил на рисование. Вечерком поехали с о. Нектарием прокатиться и заехали прямо в Лавру к о. типографу. Не нашел его, перебрались к о. Амвросию и сидели здесь часу до 12-го!! Тут был и типограф. Смотрели в телескоп на небеса, а также и в другия места лупили очеса. Принесены книги, следующие в Цензурный комитет^[144], и выдан билет на выпуск их.

Четверток, 15 ч<исло>

Дядюшке имениннику εις πολλά ετη^[145] После обеда, как с неба пал, явился Макар. Проводивши его в баню, я продолжал рисовать хату. Потом с оним пили чай, после чего я проводил его на полгоры Вдыхальницы^[146]. Пришед домой, нашел другого гостя, о. Нектария, который с первым словом и давай превозносить мое творение. Ходили потом купаться. Назад шли и все он бил в одно да в одно! Ну вот, Антонин, имей теперь мужество не прилагать сердца ни к доброму, ни к худому отзыву о твоей голове!

Пятница, 16 ч<исло>

По заключенному вчера условию, поехали с наместником золототерхим^[147] в Феофанию. Чуть прибыли туда, за нами следом пожаловал о. ректор Димитрий^[148]. Итак, гостей собралось довольно. После кофе мы с о. ректором и о. Макарием^[149] пошли обходом по лесам. Возвратившись, пообедали, и вслед затем большой Димитрий с маленьким (Вас<илиевичем> Поспеховым)^[150] уехали. Остались мы, трое лысых. Немножко вздремнули, кой-какими пустяками позанялись. Между прочим вздумали поворожить псалтирю. И вот пер-

вому Макару выпали из молитвы по 10-й кафизме слова: «в тимении сластей валяяйся, омрачився бо помышлением от младенчества...» Потом батюшке вот сей стих, кажется, из 93 псалма «и бысть мне Господь в прибежище, и Бог мой в помощь упования моего». Или другой, такого же содержания. Наконец, мне выпало следующее из псалма 86: «*преславная глаголашася о тебе, граде Божий*».^[151] Пили, между разговорами, пиво и чай с уксусом... Часов в 6-ть пошли пешие по Голосиевской дороге. Там простились с батюшкой и покатались себе веселехонько. Заезжали в Лавру, к о. типографу, за книжками, но ни книжек, ни типографа, не нашли дома. Достигши своей хаты, я 1. нашел прибывшими из переплета от Черненко^[152] 20 книжек своего мастерства, но важнее и преважнее всего 2. что от г. губернатора приходил с пакетом на мое имя солдат, но, не застав меня, обещался прийти завтра утром. Ну! у меня решительно не стало головы! Спал ли я ночью или нет – при таком состоянии шеи (потому что головы, как выше сказано, не стало) определить нельзя. Зато уж, конечно, не проспал заутрени.

Суббота, 17 июня

Часов в 6 явился действительно солдат и принес мне пакет из канцелярии г. губернатора. Распечатав его, я нашел другой пакет, адресованный на имя «*Настоятеля церкви Российско-Императорской Миссии в Греции*» иеромонаха Антонина. В сем пакете было письмо ко мне, извещавшее меня о моем назначении на новое место служения и о том, что я от г. губернатора здешнего получу паспорт, прогоны на три лошади до Одессы и, сверх того 400 червонцев на обзаведение. В пакете еще было два меньших пакета, из коих один я должен отдать Одесскому Градоначальнику, другой Константинопольскому Посланнику. Под письмом подписался *Дашков*^[153]. Ну! поедem, Антонин, куда тебя Бог зовет! Ходил с подарком к о. Антонию, моему милостивому цензору. Он говорил, что цену книге можно назначить 1 рубль и теперь же послать петербургским книгопродавцам несколько экземпляров на комиссию, с уступкою 20 процентов с рубля. Я полагал назначить цену в 125 копеек. Условились пустить по 120 коп. Что ж касается до книгопродавцев, то я на этот счет обещался подумать. Подумать же нужно потому, что братец уже говорил прислать к нему для продажи 300 экземпляров. Ходил к нашему о. ректору с подобным же подарком, но он ездил к Преосвященному викарию, а потом готовился к служению. А потому, не замедляя долго, мы с о. Иоанникием взяли да и пошли в Лавру. Я думал, что успею поднести Владыке книжку, но о. типограф сказал: разве к вечеру будут готовы книги, и только не больше 3-х или 4-х. Вот тебе раз! Спасибо о. Нектарию, взялся подвезть нас на своем экипаже. Заехали в лавку Ивана Ивановича Литова. По прежнему примеру, я решился поменяться книгою своею, на его книги, вследствие чего взял у него 8 превосходных книг, ценою в 40 рублей; возвратил себе Седмицы на 5 рублей, да вписал тут же долговых 5 рублей, и за все 50 рублей отдал 63 экземпляра «Круга». Дешево, да так уже и быть! Около театра семинария выбросила академию из экипажа. Достигши дома, я почувствовал в себе потяготу и сухой жар, а в пахах еще ночью отметались железы. Тотчас же я слег и часа два усиливался спотеть. Едва-едва достиг этого благополучия. Голова сильно разболелась. Промучился целую всюнощную и кое-как смог потом сесть и пить малину, нудимый к тому неумолимым медиком о. Иоанникием. Тут подошел и батюшка, с которым мы и положили завет: завтрашний вечер сделать общим. Засим последовал сон.

Воскресение, 18 июня

Был у ранней обедни совсем уже здоровый. Благодарение Господу! День провел кое в чем. Часу в 6-м стали собираться гости – все безбородые^[154] сошлись у меня пока. Между тем я сходил к о. ректору с подарком и с приглашением его купно и на *свой* вечер. Потом был сей самый вечер, длился до полночи. Тут же последовало и заговенье. Радушие наше поняла

и природа. Пошел дождь после долговременной засухи, да еще какой! просто как из решета. Между тем – чудное дело! среди самого угощения главный угодитель получает письмо из Петербурга (от Д. В. Поленова)^[155], которое гласит, что министерство сделало уже другое распоряжение насчет отправки о. Феофана. Он поедет прямо в Рим и на путевые издержки дадут ему 200 червонцев и что обо всем этом уже сделано предписание г. губернатору здешнему. Если бы не другая цифра в счете червонцев и не подробности некоторые, то можно было подумать, что г. Устинов^[156] (от которого получил сведение обо всем о том писавший письмо) смешал мое дело с делом о. Феофана. Во всяком случае батюшке поставлена теперь запятая, а может быть еще и с точкой. Ехать или нет в Петербург??? Кажется, дело должно стать более на последнем. Как же нехстати вышел этот вечер! Может быть, еще и не мало времени придется пожить о. Феофану в Киеве...

Понедельник, 19 июня

Утром ушел в Лавру. Получил от о. типографа 4 экземпляра «Круга», переплетенного в сафьян, и немедленно один из них поднес Владыке^[157]. Владыка мало занялся этим. Он только что получил от генерал-губернатора^[158] отношение, в коем значилось, что я должен явиться в губернаторскую канцелярию за прогонами и паспортом, и спешил дать мне приказание явиться куда следует. Я спросил: нужно ли мне ждать из Правления или Консistorии объявления об этом. Какое объявление? – возразил Владыка. Я объявляю – вот и все! Я заговорил о своем келейнике и вдруг встретился лицом к лицу с затруднением, коего не ожидал и о коем прежде должен был подумать. «Я не могу уволить за границу никого, да и никто не уволит без согласия Синода и разрешения Государя». Ну! вот куда заходит дело! По крайней мере, я успел выхлопотать у него согласие на увольнение со мною *одного* из учеников здешней семинарии и следовательно, на исключение его из ведомства Училищного и Епархиального. С тяжелою головою шел я домой, не зная, на что решиться и что предпринять. Зашел в типографию и исправил корректуру объявления о продаже книги. Потом, недолго думая, пошел к г. губернатору, чтобы сразу рассечь гордиев узел. Денщик сказал в сенях, что генерал не принимает, что я пришел поздно (был уже 1-й час). Я спросил дежурного и пошел кверху. Там меня встретил бледный, ижицевидный чиновник. Я спросил: можно ли быть мне у г. губернатора и прибавил для весу, что являюсь по приказанию Преосвященного митрополита. Чиновник ушел докладывать. Я остался один в передней. Из аванзалы вышел ко мне мундир с красным воротником и гоголем посмотрел на меня. Я немедленно сделал ему учтивый поклон, и вдруг гоголизм пропал, он пригласил меня войти в следующую комнату. Вскоре докладчик вышел и сказал: пожалуйста в кабинет. Я поспешил войти. Губернатор при входе моем встал. На лице его играла улыбка, готовая сейчас разлиться смехом. Мало нужды. «Что Вам угодно?» – По приказанию В<ысоко>преосвященнейшего митрополита я честь имею представиться к Вашему Высокопревосходительству и рекомендовать себя: я бакалавр здешней академии иеромонах Антонин, назначенный в Афинскую миссию. Во все это время губернатор курил сигару. При слове «бакалавр», улыбка его пропала, и он очень важно стал говорить: «А!.. о вас тут есть дело из министерства. Жаль! Если бы вы пораньше пришли, можно бы сегодня же выдать вам, что нужно. Нельзя ли придти завтра к 10-ти часам в канцелярию?». – «Когда прикажите!..» – «А впрочем, можно и сегодня. Эй! Шостак!» – явился тот самый воротник, с которым я уже имел дело. «Отведи *его* к Ригельману^[159] и скажи, чтобы завтра, в 10-ть часов выданы были ему деньги и паспорт!» Я поклонился. Губернатор по движению глаз моих заметил, что я еще нечто имел говорить ему и сказал: «Если что имеете сказать мне, скажите Ригельману! Прощайте!» Во все это время он курил сигару по-прежнему. Отчего-то мне стало горько и стыдно, когда я вышел от губернатора. Я чувствовал себя опошленным и горько улыбнулся, когда тут же мужик отвесил мне поклон, вовсе не предполагая, что *его* ведут к Ригельману. К счастью, Николай Аркадьевич Ригельман был

один из прекрасных людей и со мною отчасти знаком. Я охрабился. Меня *привели* к нему и, объяснив, в чем дело, проводник мой ушел. Положено было завтра, часу в первом явиться мне сюда же и получить все, что нужно. Засим я просил г. Ригельмана передать *генералу* мою нижайшую просьбу о выдаче паспорта моему келейнику. Оказалось, что этого губернатора сам не может сделать, а что нужно будет заводить особенное дело и сноситься с Синодом и министерством... Длинная песня! Впрочем Николай Аркадьевич обещался сегодня же переговорить об этом с своим генералом. Когда я шел домой, на меня напало такое горе, что и сказать нельзя!.. Как! Завтра же и паспорт получу и должен буду тотчас же ехать? Жаль стало Петра... Не хотелось бы его покинуть, но как же быть? Что ж? поеду один. Пора жить и одному. Так подумаю, но сердце говорит другое. Эх! горе мое! – Переговорил о деле своем с батюшкой Ф<еофаном> дома. Его оно заинтересовало немало, потому что подобное же затруднение ждет и его с Даниилом^[160]. Вечером он отправился к Ригельману. Ко мне пришел в гости Макар Сампсонович Пешехонов^[161]. А вскоре еще явился неожиданный гость, Степан Иванович Литов. С последним мы скоро и условие заключили. 500 экземпляров он покупает по 80 коп. каждый. Денег дал 100 рублей теперь же. Остальные будет выдавать в течение будущего года и по мере выдачи денег будет получать книги. Сегодня же был у меня и Павел Петрович Должиков по тому же обстоятельству. Он предлагал брать книги на комиссию, но когда это оказалось невозможным, то согласился взять десяток экземпляров в цену, условленную мною с Иваном Ивановичем Литовым. Я просил прислать мне вместо денег книгу «Описание Киева».

Вторник, 20 июня

С батюшкой о. Феофаном отправились в Лавру. Владыка уже совсем собрался к нам на экзамен, а потому принял нас мимоходом. Я сказал ему, что губернатор не может сам дать паспорта келейникам нашим, но что может писать о том в министерство, если Владыка не найдет, со своей стороны, препятствия к увольнению их за границу. «Я не могу сделать этого без Синода – вот и препятствие!» – На обратном пути мы заехали к Ригельману, который и сказал, что, по его мнению, лучше всего поступить тут так: подать митрополиту прошение о том, чтобы он уволил келейников наших из своей епархии и ходатайствовал о выдаче им заграничного паспорта для выезда вместе с нами. Митрополит сообщит губернатору о нашем желании и будет просить его отнестись в министерство о разрешении паспортном... Все так, но слишком многосложно и утомительно. Возвратившись домой, я поспешил на экзамен, чтобы разуверить Владыку в той мысли, что я лытать^[162] захотел, а потому выдумал надобность быть непременно сегодня в канцелярии г. губернатора. Владыка крепко напал на мои лекции, но я отстоял честь их со славою. На счастье студент попался завзятый рубака... Слава Господу Богу! *Последний* экзамен не уронил меня! На закуске Владыка занят был все моим делом и говорил, чтоб я вошел к нему с прошением, как и было советовано давече в канцелярии. Ригельман обещался известить вечером, что скажет ему губернатор, потому что вчера ему не удалось обговорить дела с губернатором. До позднего вечера ждал я сего известия. Поговорил с Петром, на всякий случай, о жизни его без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

'Владыка' – Филарет (в миру Амфитеатров Федор Георгиевич; 1815–1858) – митрополит Киевский и Галицкий (с 1837). 7 ноября 1845 г. в Киевских пещерах постриг Андрея Капустина в монашество с именем Антонин.

2.

Речь идет о книге о. Антонина «Круг подвижных праздников Церкви. Собрание слов, бесед и поучений». Ч. 1. Киев.: Тип. Ф. Гликсберга, 1850. [4] 402 с. (2-е изд., испр. Проповеднический круг подвижных праздников Церкви. Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие, особенно чествуемые дни постной и цветной триоди. Ч. 1–2. М.: Тип. Бахметьева, 1867). В Киеве Антонин выпустил первую часть задуманного им сборника, включавшую 20 поучений. Издание 1850 г. стало библиографической редкостью и отсутствовало даже в библиотеке Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. «В библиотеке вашей, – писал Антонин старцу Пантелеимонова монастыря на Афоне о. Азарии 24.04.1881, – есть томик проповедей безыменного некоего ниже критики автора, надписанный «Круг подвижных праздников Церкви», первого, киевского издания. Крайне желательно бы мне иметь его в своей библиотеке. Я прислал бы вам вместо него целый ворох того же творения самохвального, второго издания» (Архив Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Оп. 42. Д. 245. Документ 2831. Л. 23об.).

3.

Почтение в неделю Мытаря и Фарисея – первая беседа, открывавшая сборник о Антонина. См: Круг подвижных праздников церкви... Киев, 1850. С. 1–18.

4.

Праздник Крещения Господня; даты в Дневнике отражают старый стиль, принятый в России в XIX в.

5.

Аполлинарий (в миру Алексей Фёдорович Вигилянский; ок. 1795–1858) – епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1845). В связи с болезнью митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) часто управлял всеми епархиальными делами. После его кончины Чигиринскую кафедру занял Антоний (Амфитеатров), ректор Киевской духовной академии, племянник митрополита Филарета.

6.

Иоанн (в миру Алексей Алексеевич Петин; 1813–1889) – епископ Полтавский и Переяславский. Окончил Киевскую духовную семинарию (1839), пострижен в монашество (1842), в том же году стал смотрителем Киево-Подольского духовного училища. 14 ноября 1848 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Киевской духовной семинарии и настоятелем Николаевского Пустынного монастыря в Киеве. 3 мая 1850 г. переведен на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии. С 16 января 1852 г. – наместник Киево-Печерской лавры. 23 декабря 1862 г. хиротонисан во епископа Полтавского. 16 апреля 1878 г. возведен в сан архиепископа.

7.

Имеется в виду Николаевский Пустынный монастырь близ Киева на правом, высоком, берегу Днепра. По преданию построен на месте Аскольдовой могилы. Первые упоминания

о нем относятся к началу XV в. В 1690-е гг. гетман Иван Мазепа выстроил новый собор на горе над Никольской церковью, получивший с 1831 г. название Николаевский военный собор, куда была переведена и вся монастырская братия. Под горой осталось монастырское кладбище с деревянной Никольской церковью. В 1809 г. на месте этой ветхой церкви на средства воронежского купца Мещерякова архитектором А. И. Меленским была построена каменная церковь-ротонда. Настоятелем монастыря в 1850 г. стал архимандрит Нектарий (в миру Николай Самойлович Надеждин, 1819–1874), с 1851 по 1856 гг. являвшийся ректором Киевской семинарии.

8.

Т. е. блуждали в поисках дороги.

9.

Исакий – священник церкви Николы Пустынного.

10.

Димитрий – киевский священник, зять о. Исакия.

11.

Николаевский военный собор, который являлся кафоликоном Николаевского Пустынного монастыря. В нем хранились военные реликвии, служились молебны по случаю побед. Рядом с собором на возвышенных местах были установлены пушки. Интерьер храма, славился 7-ярусным резным иконостасом, исполненным в стиле барокко.

12.

'Именинник' – архимандрит Иоанн (Петин), нареченный во имя св. Иоанна Кущника.

13.

Димитрий (в миру Климент Иванович Муретов; 1811–1883) – архиепископ Херсонский и Одесский, выдающийся богослов и педагог. Окончил Рязанскую семинарию и Киевскую духовную академию (1835). 11 сентября 1834 г. принял монашеский постриг с именем Димитрий. 27 октября того же года был рукоположен во иеродиакона, а 24 июля 1835 г. – во иеромонаха. Профессор богословия (1837). 25 марта 1838 г. иеромонах Димитрий был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Выдубицкого монастыря. Инспектор (1838) и ректор академии (1841–1851). 4 марта 1851 г. хиротонисан во епископа Тульского. 11 июня 1857 г. переведен на Херсонскую кафедру. 3 апреля 1860 г. возведен в сан архиепископа. Архиепископ Ярославский (1874) и Волынский (1876). В 1882 г. возвращен на Херсонскую и Одесскую кафедру. Скончался в Одессе 14 ноября 1883 г.

14.

Феофан (в миру Петр Семенович Авсенеv; 1810–1852) – архимандрит. В 1835 г. окончил Киевскую духовную академию, с 1836 г. преподавал на кафедре философии. В 1844 г. митрополитом Филаретом пострижен в монашество в пещерах прп. Антония с именем Феофан. Инспектор Киевской духовной академии, архимандрит (1846). О. Феофан считается одним из основателей российской психологии. Идеи Феофана оказали сильное влияние на мировоззрение студента Андрея Капустина, с которым последний близко сошелся еще в ученические годы. В 1850 г. архимандрит Феофан, в одно время с о. Антонином, получил назначение на должность настоятеля посольской церкви в Риме, где скончался в марте 1852 г.

О нем: [Антонин (Капустин)]. Некролог. Архимандрит Феофан // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 77. Отд. VII. С. 101–108.

15.

Даниил (в миру Димитрий Михайлович Мусатов; 1810–1855) – архимандрит. Окончил Петербургскую духовную академию (1835), инспектор и профессор философии в Калужской духовной семинарии (1835–1843), где близко сошелся со старцами Оптиной пустыни о. Макарием (Ивановым) и игуменом Антонием (Путиловым). Пострижен в монашество 1 декабря 1840 г. Экстраординарный профессор богословия в Киевской духовной академии (с 31 октября 1847). Инспектор Киевской духовной академии (1850), и ректор Екатеринославской духовной семинарии (с 1852).

16.

Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев; 1827–1900) – митрополит Киевский и Галицкий. Выпускник Тульской духовной семинарии (1845) и Киевской духовной академии (1849). 11 октября 1849 г. пострижен в монашество. Учитель Священного Писания (1849), богословия (1851) при Киевской духовной семинарии. С 1850 по 1853 г. исполнял должность помощника инспектора Академии, где преподавал обличительное богословие. Магистр и бакалавр Академии (1851). 6 ноября 1851 г. возведен в звание соборного иеромонаха Киево-Печерской Лавры. Инспектор Киевской духовной академии (1852–1853). Член внутреннего Правления академии (1853). Ректор Киевской духовной семинарии и настоятель Николаевского-Пустынного монастыря (1858). 30 марта 1859 г. назначен благочинным монастырей Киевской епархии. Ректор Киевской духовной академии и настоятель Богоявленского монастыря (1859). Ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1860). Епископ Выборгский, второй викарий Санкт-Петербургской епархии (1861). Епископ Саратовский и Царицынский (1864). Епископ Нижегородский и Арзамасский (1873). 27 марта 1877 г., возведен в сан архиепископа. Архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии и Член Святейшего Синода (1877). Почетный член Киевской духовной академии (1882). Митрополит Московский и Коломенский, священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1882). Митрополит Киевский и Галицкий, священноархимандрит Киево-Печерской Лавры (1891). Прославлен в числе Собора Тульских святых 3 июня 1987 г.

17.

Крамарев Григорий Никифорович (1817–1868) – протоиерей, уроженец Харьковской губернии, сын священника. Учился в ахтырском училище, в Харьковском коллегииуме. Выпускник Киевской духовной академии со степенью магистра (1841); профессор волынской семинарии (1841). Бакалавр всеобщей церковной истории (1844). 6 ноября 1849 г. рукоположен во священника к церкви Киевского Института благородных девиц, а в 1851 г. определен законоучителем в том же институте. Экстраординарный профессор Киевской духовной академии (1853). Протоиерей университетской церкви Св. Владимира в Киеве (1854). В 1856 г. Кафедральный протоиерей Киево-Софийского кафедрального собора (1863).

18.

Нем. «Трое на Рютли». Клятва Рютли (нем. Rütli Schwur) – национальная легенда Швейцарии, согласно которой представители трёх коммун Ури, Швиц и Унтервальден (первоначальных кантонов Швейцарии) на Рютли, отдалённом лугу около Фирвальдштетского озера, дали клятву о взаимопомощи и поддержке. Этот союз, по преданию, считается основанием

Швейцарского союза. Гравюра, по всей видимости, являлась воспроизведением известной картины Иоганна Генриха Фюссли «Die drei Eidgenossen beim Schwur auf dem Rütli» (1780 г.)

19.

Капустин Платон Иванович (1815–1890) – старший брат о. Антонина, который был наиболее близок ему по духу, образованию и интересам. Окончил Пермскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1840). Профессор Тобольской семинарии (1840). Профессор философии, а затем математики и физики в Московской духовной академии (1842), где основал первый физический кабинет. В 1850 г. женился на родственнице митрополита Московского Филарета (Дроздова) и был рукоположен им во священника в церкви Рождества Богородицы в Бутырках. Позднее служил в церкви мч. Никиты на Басманной. Состоял в разное время: благочинным, членом попечительства о бедных духовного звания, членом комитета по преобразованию духовно-учебной части, смотрителем дома Филаретовского девичьего училища, учителем математики и физики в этом училище, законоучителем московской 2-й женской гимназии, членом духовно-цензурного комитета. Переменив несколько приходов, с марта 1886 г. до кончины состоял, в сане протоиерея, настоятелем церкви Св. апостолов Петра и Павла на Басманной. В Москве пользовался широкой известностью как священник, писатель, математик и астроном. Состоял членом нескольких ученых обществ и учреждений. За труды по организации политехнической выставки в 1872 г. и за изобретенный им уравнивательный маятник и другие приборы получил Почетный адрес второй категории от комитета выставки. Погребен на Пятницком кладбище в Москве у алтаря церкви Живоначальной Троицы.

20.

'Пассия' (от лат. *passio*) – 'страдание, страсть'. Тут игра смысла, т. е. во время обычной литургии о. Даниил кланяется ректору «с особенным подобострастием».

21.

'Волчек' – описка о. Антонина. Имеется в виду г. Вышний Волочек Тверской губернии.

22.

Цензурный комитет при Киевской духовной академии. И. М. Скворцов состоял членом цензурного комитета с 1824 г.

23.

Скворцов Иван Михайлович (1795–1863) – философ, богослов, историк, филолог, математик, первый профессор философии в Киевской духовной академии, один из основателей Киевской религиозно-философской школы, многолетний профессор богословия в университете Св. Владимира (1836) и настоятель университетской церкви (1836). Родился в г. Арзамасе. Окончил Нижегородскую семинарию (1814) и Киевскую духовную академию и поступил профессором философии, математики и физики в Киевскую духовную семинарию (1817). После преобразования семинарии в академию получил звание бакалавра философии (1819), экстраординарного профессора (1824), доктора богословия (1833). Уволен от профессорской должности в Академии 20.10.1845, но преподавал в ней безвозмездно по личной просьбе митрополита Киевского Филарета до конца 1849 г. Священник (1820), протоиерей (1821). С 1849 г. служил кафедральным протоиереем Софийского собора в Киеве, привел в порядок библиотеку собора, составил ее каталог и занимался изучением исторических материалов этой библиотеки. Среди его многочисленных сочинений было и схожее по жанру с произведением архимандрита

Антонина: «Слова на некоторые праздничные и торжественные дни, в разные времена произнесенные Киевской духовной академии профессором философии, протоиереем И. Скворцовым». (Киев, 1833).

24.

Знаменский Иван Матвеевич – бакалавр Киевской духовной академии.

25.

Стихотворение Платона Капустина на стих: «Душа моя, душа моя, восстании, что спиши!» было напечатано без подписи автора в Прибавлениях к творениям святых отцов. Ч. 8. Кн. 1. С. 168–170. В электронном издании портала bogoslov.ru ошибочно приписано перу архимандрита Макария (Глухарева). См: <http://www.bogoslov.ru/tso/text/342561/index.html> (дата обращения 17.07.2012).

26.

Антоний (в миру Яков Гаврилович Амфитеатров; 1815–1879) – архимандрит, доктор богословия, племянник митрополита Филарета (Амфитеатрова), инспектор и профессор Киевской духовной академии (1841), ректор Киевской духовной семинарии (1845) В 1848–1849 гг. вызывался в столицу на чреду священно служения и состоял членом Санкт-Петербургской духовной консистории. С 1851 г. ректор Киевской духовной академии и настоятель Киево-Братского Богоявленского монастыря.

27.

Лаврентий (в миру Дмитрий Иванович Макаров; 1808–1876) – учился в Киевской духовной академии, где получил прозвище «отец» и «батюшка» за незлобие и постоянную готовность помогать другим. Св. Феофан (Затворник) называл его мужем совета и утешения. Окончил академию со званием бакалавра по церковной истории (1835). Экстраординарный профессор по кафедре истории (1841). В 1843 г. пострижен в монашество митрополитом Филаретом (Амфитеатовым). Архимандрит (1844), наместник Киево-Печерской лавры (1844–1852).

28.

Дорофей (Школьницкий) – выпускник Киевской духовной академии, иеромонах, преподаватель и (временно) смотритель Софийских духовных училищ в Киеве.

29.

Лат. 'Так проходит земная слава'.

30.

Авва – тут: наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Лаврентий (Макаров).

31.

Ботвиновский Федор Кириллович – студент Киевской духовной семинарии, поступил в 1847 г.

32.

Греч. По преимуществу.

33.

Щекавицкое, или Владимирское, кладбище расположено на одноименной горе, с которой, как считают многие историки, и начался Киев. По традиции гора отождествляется с местом погребения легендарного Вещего Олега. Первые захоронения «чумные ямы» появились на Щекавице в начале XVIII в. Официальное Щекавицкое городское кладбище было заложено в 1772 г., а через 10 лет на его территории появилась церковь Всех Святых, возведенная в стиле барокко. Из-за ограниченности места захоронения производились в два-три яруса, могилы были даже на тропинках и вдоль ограды кладбища. Для погребения самоубийц на склонах Щекавицы были устроены насыпные террасы. В 1935 г., после принятия генерального плана застройки Киева, церковь и большую часть кладбища, кроме старообрядческого и мусульманского его участков, снесли.

34.

Троицкий Константин Алексеевич – священник, настоятель Владимирского собора в Киеве, брат П. А. Троицкого.

35.

Троицкий Платон Алексеевич (в монашестве Петр; ?–1873) – окончил Киевскую духовную академию со степенью магистра и определен при ней на должность профессора академии (1835). В 1852 г. пострижен в монашество; рукоположен во иеродиакона и затем во иеромонаха. Инспектор Киевской духовной семинарии, архимандрит (1853). Ректор Киевской духовной семинарии и настоятель Николаевского Пустынного монастыря (1857). С 1858 г. настоятель посольской церкви в Константинополе. С 23 августа 1860 г. настоятель посольской церкви в Афинах, где он сменил архимандрита Антонина (Капустина). В 1869 г. хиротонисан во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии.

36.

Греч. 'Триодь'.

37.

Записи за 8–11 февраля в Дневнике отсутствуют.

38.

Начало песнопения Постной Триоди в неделю Мытаря и Фарисея.

39.

Введенский Алексей Александрович (Алеша) – студент Киевской духовной семинарии, близкий друг о. Антонина; скончался в 1844 г.

40.

Петровский, Алексей Тимофеевич (1819–1867) – протоиерей. Окончил курс Смоленской семинарии (1839) и Киевской духовной академии (1843). Сокурсник архимандрита Антонина. Профессор Саратовской семинарии по классу чтения Священного Писания и соединенных с ним предметов (1843). 22 сентября 1844 г. назначен на место священника Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви, при которой служил до конца жизни. Ректор Саратовского духовного училища (1848), протоиерей (1850). Незадолго до смерти, в 1864 г. он оставил должность ректора и занял должность профессора семинарии сначала по логике и психологии, а потом по нравственному, пастырскому и обличительному богословиям. В 1865 г. с началом издания «Саратовских епархиальных ведомостей» назначен цензором; скончался 23 января 1867 г.

41.

Максимович Иван Петрович (1807–1861) – бакалавр, потом профессор еврейского языка в Киевской духовной академии. Историк, автор одного из первых паломнических путеводителей по святым местам Киева: «Паломник киевский или путеводитель по монастырям и церквям киевским» (Киев, 1842). Книга была напечатана без указания автора и затем выдержала еще несколько изданий: 1845, 1849, 1854 и 1871 гг. Начал перевод Ветхого Завета с древнееврейского, но напечатал лишь 19 глав книги Царств.

42.

Родители о. Антонина: священник Иоанн Леонтьевич Капустин (1793–1865) и Мария Гавриловна, в девичестве Варлакова (1794–1876).

43.

Имеет в виду епископ Екатеринбургский Иона (Ипполит Леонтьевич Капустин 1790–1867) – дядя о. Антонина. Окончил Пермскую семинарию и Московскую духовную академию (1809). Инспектор Пермской семинарии (1825). В 1826 г. пострижен в монашество. Архимандрит, ректор Пермской семинарии (1829), ректор Екатеринославской семинарии (1836) Взял с собой в Екатеринослав для учебы в семинарии своего племянника Андрея Капустина. В 1846 г. хиротонисан во епископа Екатеринбургского, викария Пермской епархии. 21 ноября 1859 г. уволен на покой в Долматовский Успенский монастырь. Последние годы жизни тяжело болел. Скончался 13 ноября 1867 г. Похоронен за правым клиросом Успенского собора Далматова монастыря.

44.

'Воскресное чтение' – еженедельный общедоступный журнал Киевской духовной академии, издававшийся с 1837 по 1912 г. Основан в конце 1836 г. ректором Академии епископом Чигиринским Иннокентием (Борисовым), при участии протоиерея Иоанна Скворцова, Я. К. Амфитеатрова и иеромонаха Димитрия (Муретова). При поддержке митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова) в начале 1837 г. журнал получил разрешение на издание. Архимандрит Антонин сотрудничал с редакцией журнала в период своего преподавания в Киевской духовной академии.

45.

Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857) – архиепископ Херсонский и Таврический, знаменитый русский богослов и церковный писатель, выпускник Киевской духовной академии. В 1823 г. принял монашество. Профессор, а затем инспектор Санкт-Петербургской духовной академии (1823); ректор Киевской духовной академии (1830); епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии (1836). В 1841 г. назначен епархиальным архиереем в Вологду, в том же году перемещен в Харьков. Архиепископ Херсонский и Таврический (1848). В Киевской духовной академии он отменил преподавание на латыни и ввел в учебный процесс новый сравнительно-исторический метод изложения богословия, основанный на изучении источников святоотеческого наследия и критическом прочтении современной западной богословской литературы.

46.

Прит. 13:14.

47.

Речь идет о поездке о. Антонина и о. Феофана к наместнику Киево-Печерской лавры архимандриту Лаврентию (Макарову) за формальным разрешением подать прошение в Синод о переводе на службу за границу.

48.

'Морея' – средневековое название Пелопоннеса. Здесь имеется в виду Греция.

49.

На полях рукописи рукой о. Антонина сделана помета карандашом: «Девятнадцатого числа...» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1122. Л. 113).

50.

Антонин рассчитывал получить гонорар за публикацию проповедей в журнале «Воскресное чтение».

51.

Метелица, комиссионер, торговец бумагой в Киеве – личность не установлена.

52.

Вальнер И. – киевский книгоиздатель. В сер. XIX в. в Киеве действовало несколько типографий: старейшей была типография Лавры, основанная в 1615 г. Елисеем Плетенецким. Также были типографии при Киевском университете и губернском управлении. Частных было две – Вальнера, открытая в 1845 г. и оборудованная единственной в городе скоростной печатной машиной, и Ф. Гликсберга. Кроме типографии И. Вальнер имел в Киеве свой книжный магазин. В 1850-х гг. Вальнер разорился.

53.

Макарий (в миру Сорокин Дмитрий Андреевич) – иеромонах, наместник Михайловского и Софийского монастыря, смотритель Софийского духовного училища в Киеве, один из близких знакомых архимандрита Антонина, впоследствии игумен нескольких монастырей: Китаевской пустыни (1859–1860), Богуславского монастыря (1860–1861), Матрониевского монастыря (с 1861) и др. Упоминается на страницах Дневника как: Наместник Михайловский, Макар, Макаров, Макартер, Макарий Старгородский, Златоверхий наместник, Козинский пилигрим, Бурсарх, Софиарх, Сорока, Софийский анахорет, Михайловский калугер, Феофаньевский хозяин.

54.

Вероятно, речь идет о намерении Антонина отправиться на Восток.

55.

Гликсберг Феофил Николаевич – в 30-х – 40-х гг. XIX в. владел типографией и книжной торговлей в Вильне, сотрудничал с Министерством народного просвещения; см: Гликсберг Ф. Н. Каталог русским книгам в «Библиотеке для чтения» Феофила Николаевича Гликсберга, типографа и книгопродавца Белорусского учебного округа. Вильна, 1844. – 68 с; Он же. Опыты в русской словесности воспитанников гимназий Белорусского учебного округа, напечатанные по приказанию г. министра народного просвещения. Вильна: Тип. Феофила Гликсберга, 1839. В Конце 1840-х гг. перебрался в Киев где также организовал типографию и книготорговлю. Специализировался на издании путеводителей, в том числе и для паломников, по Киеву и окрестностям. См, например: М[аксимович], И.П. Паломник

киевский, или Путеводитель по монастырям и церквам киевским для богомольцев, посещающих святыню Киева. / И.М. – 3-е изд. – Киев: Тип. Феофила Гликсберга, 1849. – [2], IV, 130 с. [Фундуклей И.И.] Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное по Высочайшему соизволению, Киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем. – Киев: Тип. Феофила Гликсберга, 1848. Гликсберг издал две первые книги архимандрита Антонина, вышедшие в Киеве в 1850 г.

56.

Калиновский – личность не установлена, вероятно, управляющий типографией Ф. Гликсберга в Киеве.

57.

Записи в Дневнике за 22–28 февраля отсутствуют.

58.

Имеется в виду о. Феофан (Авсеньев).

59.

Целовник – последний седьмой день Масленицы, который иначе называется Прощенное Воскресенье.

60.

Типография Киево-Печерской лавры основана в начале XVII в. Первая книга увидела свет в ее стенах в 1616 г. В середине XIX в. типография располагалась в двухэтажном каменном корпусе к востоку от Успенского собора. Она располагала несколькими (до десяти) ручными печатными прессами. В 1852 г. лаврой были приобретены три новые паровые печатные машины.

61.

Петр (Петро) – Нищинский Петр Иванович, – украинский писатель и композитор (1832–1896); учился в Киевской семинарии, келейник о. Антонина которого Антонин взял с собой в Афины. Служил певчим в церковном хоре в Афинах, прошел курс обучения на богословском и филологическом факультетах Афинского университета. После возвращения в Россию (1857), преподавал греческий язык в различных южно-русских учебных заведениях. Перевел на др. – греч. язык «Слово о Полку Игореве», издал грамматику древнегреческого языка, автор очерков: «О Второй одесской гимназии», «О значении Украины для славян» и др. Его перу принадлежат переводы на украинский язык «Одиссеи» (Львов, 1885), «Илиады» (не окончен) и «Антигоны» Софокла (Одесса, 1883). Главные музыкальные произведения – «Казак Софрон», «Банда», «Вечерницы», «По морю и суше».

62.

Парфений Киевский (в миру Петр Иванович Краснопевцев; 1790–1855) – иеромонах, духовный подвижник. Происходил из бедной семьи, в молодые годы удостоился видения Духа Божия в виде белоснежного голубя, который парил в небе. Учился в Тульской духовной семинарии, но не закончил ее. Поступил послушником в Киево-Печерскую лавру, где более 12 лет пек просфоры, взяв за образец для подражания преподобного Никодима Просфорника. В 1824 г. был пострижен в монахи с именем Пафнутий. Духовник братства Киево-Печерской лавры (с 1834). В 1838 г. митрополит Киевский Филарет постриг его в схиму с именем Парфений. Его молитвенное правило состояло из чтения утром, в

полдень и вечером по одному евангелисту, совершения ежедневного пения всей Псалтири, молитв утренних и вечерних, акафиста Спасителю, Божией Матери, поклонения Страстям Христовым и песни «Богородице, Дево, радуйся», которую он произносил триста раз.

63.

Анастасий – иеромонах Киево-Печерской лавры.

64.

Имеется в виду книга о. Антонина: Седмица страстей Христовых. Стихи. Киев.: Тип. Ф. Гликсберга, 1850. [2] 33 с.

65.

Чижев Федор Васильевич (1811–1877) – ученый, писатель, промышленник и общественный деятель. Окончил Петербургский университет со степенью кандидата физико-математических наук (1832). Защитил магистерскую диссертацию: «Об общей теории равновесия с приложением к равновесию жидких тел и определению фигуры земли» (СПб., 1836). В 1838 г. опубликовал первое русское сочинение о паровых машинах: «Паровые машины. История, описание и приложение их», (СПб. 1838). Жил в Италии, где занимался изучением истории искусства (1840–1847). Печатал статьи в «Современнике», «Москвитянине», «Московском сборнике». Разделял славянофильские идеи. В Риме тесно общался с Н. В. Гоголем и русскими художниками. Позднее издал Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя под своей редакцией (М., 1862). Совершил путешествие по южнославянским землям. С 1847 г. жил на юге России, занимаясь шелководством. После завершения Крымской войны переезжает в Москву, занимается финансированием промышленности. Выступает в печати как теоретик торгового движения. Вместе с И. К. Бабстом издает «Вестник промышленности» (1858–1861) и газету «Акционер». Стал одним из основателей первой в России частной железной дороги от Москвы до Ярославля и Вологды и инициировал выкуп у государства Московско-Курской железной дороги. Был в числе учредителей Московского купеческого банка и Московского купеческого общества взаимного кредита. Наконец, Организатор товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Свое состояние (около 6 миллионов) он завещал на устройство в Костромской губернии профессиональных технических училищ. См. <http://www.rulex.ru/01240227.htm> (Дата обращения: 09.10.2012).

66.

Ригельман Николай Аркадьевич (1817–1888) – чиновник-переводчик канцелярии киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, сотрудник Временной комиссии для разбора древних актов в Киеве. Познакомился с Т. Г. Шевченко в 1840 г. Привлекался к следствию по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе по подозрению в участии в нем. В феврале 1857 г., когда Шевченко находился в ссылке, помог ему материально.

67.

На полях рукописи рукой о. Антонина сделана помета карандашом: «Чудно...» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1122. Л. 116)

68.

Воскресное чтение, 1850, Т. 1, С 103–107.

69.

К северо-западу от Успенского собора, рядом с Троицким храмом, находится вход в бывший Никольский больничный монастырь с церковью во имя святителя Николая, основанный преподобным Николой Святошей в XII в. Ильинская церковь – возможно, является первым православным храмом Киевской Руси. Первые упоминания об этой церкви встречаются еще до Крещения Руси. Согласно преданию, церковь Святого Ильи построена киевскими князьями Аскольдом и Диром в память о чудесном потоплении русских кораблей у стен Константинополя. Существуют предположения, что крещение киевлян в 988 г. совершилось именно около церкви святого Ильи, расположенной на берегу рек Днепра и Почайны. В этой церкви молилась равноапостольная княгиня Ольга. Каменное здание храма было построено в 1692 г. и затем неоднократно перестраивалось. В XIX в. к Ильинской церкви было приписано всего 16 дворов.

70.

Далматово – город в Среднем Зауралье на реке Исеть в 192 км к северо-западу от Кургана. В городе располагался Успенский монастырь и Далматовское духовное училище, которое окончил Андрей Капустин (1831).

71.

Антонин описывает свой сон.

72.

Академическая церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построена в 1740 г. на втором этаже Старого академического корпуса и представляет собой прямоугольный зал в восточном конце академического корпуса. Снаружи она обозначена только куполом, барабан которого устроен по русскому принципу восьмерик на четверике. Конгрегационная церковь предназначалась для узкого круга преподавателей и студентов Академии. Здесь избирали ректоров, префектов и других должностных лиц Академии. Существовали и некоторые особые традиции, согласно которым служба иногда отправлялась на греческом или древнееврейском языке. Здание церкви сильно пострадало во время пожара в 1811 г. и было восстановлено только в 1824 г.

73.

'Калугер' (от греч. καλόγυρος) — 'монах'.

74.

Стояние Марии Египетской – чин Великого Поста, совершаемый в Пятую седмицу, при котором во время утренней службы читается весь Великий Покаянный канон Андрея Критского и житие Марии Египетской и во множестве совершаются земные поклоны.

75.

Имеется в виду появление из печати первой книги стихов о. Антонина: Седмица страстей Христовых. Стихи. Киев.: Тип. Ф. Гликсберга, 1850. [2] 33 с.

76.

Должиков Павел Петрович, (1798 – 9.01.1884) – киевский книгоиздатель, поэт и библиофил. Хозяин книжного магазина-библиотеки на Подоле. Отставной капитан. Очень оригинальный и остроумный человек (его описал Н. С. Лесков в повести «Киевские антики»). В течение многих лет содействовал пополнению фондов Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. В 1849 г. издал каталог библиотеки «Аптека для души,

или Систематическая алфавитная роспись книг...». Печатался в «Киевских Губернских ведомостях» под псевдонимом П. Д. Сотрудничал с газетой «Русские ведомости» (1863).

77.

Литов Степан Иванович – владелец книжного магазина в Киеве.

78.

Литов Иван Иванович – брат СИ. Литова.

79.

Троепольский Павел Никитич (в монашестве Пимен;?–1858) – иеромонах, младший кандидат Киевской духовной академии XI выпуска (1843), сокурсник архимандрита Антонина, смотритель Севских училищ.

80.

'Михайловский притворник' – наместник Михайловского и Софийского монастыря иеромонах Макарий (Сорокин). О нем см. ранее прим. 53.

81.

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874), русский духовный писатель, путешественник, церковный и общественный деятель, Обер-Секретарь Синода (1831–1842). Член общего присутствия Азиатского департамента МИД (1844), чиновник по особым поручениям МИД (1846–1866). Получил имя в честь апостола Андрея Первозванного. Дважды (1829–1830 и 1849–1850) совершил паломничество к христианским святыням Палестины. Из обеих поездок Муравьев привез в Россию большое количество православных реликвий. Пользуясь личным знакомством со многими восточными иерархами, он оказывал услуги для полуофициального церковно-дипломатического общения между российскими светскими и церковными властями и греческим духовенством. После возвращения с Востока Муравьев в начале 1850-х гг. поселился в Москве и переехал в Киев только после выхода в отставку в 1866 г. Антонин лично познакомился с Муравьевым только 1863 г. в Петербурге в доме А. С. Норова, во время последней поездки в Россию. См: Вах К. А. К истории знакомства архимандрита Антонина (Капустина) и Авраама Сергеевича Норова // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М.: Индрик, 2013. С. 217.

82.

Частица мощей апостола Андрея Первозванного, привезенная А. Н. Муравьевым, хранилась в Андреевской церкви в Киеве в серебряном ковчеге перед иконостасом по правую сторону Царских врат. Там же находилась икона Успения Божией Матери, привезенная из Иерусалима с частицею святого Животворящего Древа. (Титов Ф., священник. Историческое описание Киево-Андреевской церкви. Киев. 1897. С. 12.)

83.

Иоанн Дамаскин. Пасхальный канон. Песнь 7.

84.

Нектарий (в миру Николай Самуилович Надеждин; 1819–1874) – архиепископ Харьковский и Ахтырский. Окончил Тамбовскую духовную семинарию (1839) и Киевскую духовную академию (1843); сокурсник Антонина. Принял пострижение в Академии с именем Нектраий, а по окончании курса был рукоположен в иеромонахи. В продолжение 15 лет

занимал различные должности в семинариях Киевской, Новгородской и Петербургской епархий. Ректор Софийских училищ в Киеве. В январе 1858 г. назначен редактором еженедельника «Духовная беседа», где печатал свои статьи богословского характера. В мае 1859 г. назначен ректором Петербургской духовной академии. Хиротонисан во епископа Выборгского (1859); епископа Нижегородского (1865). Руководил занятиями комитетов для составления новых уставов духовных семинарий, женских епархиальных училищ и духовных академий. 21 января 1869 г. хиротонисан во архиепископа Харьковского.

85.

Обряд Умовение ног совершается в Великий Четверг в память умовения ног апостолов Спасителем. В этот день Иерусалимский Патриарх на площади перед входом в храм Воскресения публично умывает ноги 12 членам своего синода, в число которых могут быть допущены специально приглашенные почетные гости. Сам Патриарх уподобляется в этом действии Христу, а его гости – ученикам Христа. Подробное описание всего чина, сделано архимандритом Антонином: «Известие о последовании божественного и священного умовения, по вновь изложенному чину с некоторым пространнейшим комментарием» // ТКДА, 1867, Т. 1. С. 304–319.

86.

В Великий Четверг вечером служитя утренняя Великой Пятницы. На этой службе читаются 12 частей из четырех Евангелий, в которых описываются страдания Иисуса Христа перед распятием, начиная с последней беседы Его с учениками на Тайной Вечери и заканчивая Его погребением.

87.

Иоанн Дамаскин. Пасхальный канон. Песнь 6.

88.

Иван Михайлович Скворцов (1795–1863) – первый профессор философии в Киевской духовной академии, один из основателей Киевской религиозно-философской школы, многолетний профессор богословия в университете Св. Владимира. Его научная и преподавательская деятельность объединяла философские, богословские, естественные, математические и языковедческие знания. Активно печатался в академическом издании «Воскресное чтение». Успешно боролся за сохранение в университете полноценного преподавания богословия, включая и медицинский факультет. С 1849 г. служил кафедральным протоиереем Киево-Софийского собора, привел в порядок библиотеку Собора, составил ее каталог и занимался изучением исторических материалов этой библиотеки. См. прим. 23.

89.

'Оникий' – Иоанникий (Руднев) – о нем см. ранее прим. 16.

90.

Горский Егор Семенович – священник в Киеве, выпускник Киевской духовной академии 1843 г., сокурник архимандрита Антонина.

91.

Антонин имеет в виду Ближние пещеры. Со стороны холма под одной кровлей, примыкая друг к другу, стоят Крестовоздвиженская церковь и церковь Всех преподобных Печерских (Теплый храм).

92.

Павел Евграфович Комаровский (1812–1873), граф, его жена Мария Павловна, урожденная Галаган, его теща Екатерина Васильевна Галаган, урожденная Кочубей (1826–1897), вдова Григория Павловича Галагана (1819–1888), украинского общественного и политического деятеля (с 1883 г. члена Государственного Совета), исследователя украинской этнографии, основателя Коллегии Павла Галагана (1871).

93.

Голосиево (Голосеево) – историческая местность на территории Голосеевского района г. Киева. Голосеево располагается в южной части города, между Добрым Путем, Демиевкой, Теремками, Феофанией и Мышеловкой, охватывая Голосеевский лес, а также городской район между ним и улицами Васильковской и Сумской. В грамоте короля Сигизмунда Выдубицкому монастырю (1541), упомянуто «Голосиево», при описании границ землевладений Киево-Печерской лавры (1617) упомянут хутор Голосеевский. В 1631 г. архимандрит Киево-Печерской лавры, а впоследствии митрополит Петр Могила построил в этом монастырском владении церковь во имя Св. Великомученика Иоанна Сочавского, происходившего из его родной Молдавии, а также дом для себя, разбил сад и заложил монастырь.

94.

Сын Павла Евграфовича Комаровского – Евграф Павлович Комаровский (1841–1875).

95.

Константин и Осип (Иосиф) – ученики Софийского духовного училища, певчие Киевской духовной академии, послушники о. Феофана.

96.

Николай Константинович Ангелов, племянник о. Макария (Сорокина).

97.

Апис – в древнеегипетской мифологии: священный бык. Антонин говорит, что по дороге они не раз выпивали тот же горячительный напиток, что и за самоваром.

98.

О. Аника – Иоанникий (Руднев), см. ранее прим. 16.

99.

Корректурный экземпляр.

100.

Трейеров Василий Иванович (1820–1855) – сокурсник о. Антонина по Киевской академии. Окончил курс в 1843 г. со званием магистра, определен учителем Академии по классу словесности. С 16 сентября 1844 г. по 27 сентября 1848 г. помощник инспектора Академии. 29 сентября 1845 г. возведен в степень магистра богословия и получил звание бакалавра Академии. 4 октября 1851 г. возведен в степень экстраординарного профессора по классу

словесных наук. 6 ноября того же 1851 г. стал ординарным профессором Академии по тому же классу.

101.

С 1848 г. архимандрит Антоний (Амфитеатров) назначен настоятелем Никольского монастыря в Киеве.

102.

Пелехин Петр Павлович (1794–1871) – доктор медицины, профессор медико-хирургической академии. По окончании курса Киевской духовной академии (1814) был преподавателем в ней и в духовной семинарии, а затем поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию (1820). В 1824 г. был оставлен при ней адъюнкт-профессором физиологии с патологией и преподавал впоследствии разные науки, в том числе окулистику и судебную медицину; наконец, в 1849 г. перешел на службу в духовное ведомство профессором медицины и врачом при Киевском духовном училище, семинарии и академии, где и оставался до конца жизни. Написал: «De neurosibus in genere» (Эдинбург, 1829), «Oratio jubilaea, quam ord. prof. P. Pelechin secundum diie novembris 1836 anno in conventu amplissimorum viroгum publice peroravit» (Брошюра, б.м., б.г.).

103.

Алексей Александрович (2/14.01.1850–1908) – великий князь, четвертый сын императора Александра II.

104.

Антонин поступил в Пермскую духовную семинарию осенью 1830 г. Он вспоминает пение, слышанное им на первом курсе семинарии.

105.

Данила – служитель о. Феофана (Авсенева).

106.

Отец Федор – священник, настоятель церкви в Братской Борщаговке.

107.

Собор Святой Софии (Софийский собор) – храм, построенный в XI в. по заказу Ярослава Мудрого греческими и русскими мастерами. На рубеже XVII–XVIII вв. собор был внешне перестроен в стиле украинского барокко. В 1240 г. Софийский собор был разграблен и частично разрушен татарами-монголами, в 1385–1390 гг. митрополит Киприан восстановил его. 1630-е г. митрополит Петр (Могила), отреставрировал собор и основал при нем мужской монастырь. Некоторые работы по обновлению храма продолжались до 1740 г., однако в целом здание находилось в плохом состоянии. В интерьере сохранились некоторые оригинальные фрески и мозаики, в том числе знаменитая мозаика Богоматерь Оранта. Вновь ремонтные работы, реставрация мозаик и фресок, а также роспись интерьеров проводилась на средства императора Николая I в 1843–1853 гг.

108.

Поликарп (в миру Феодосий Иванович Радкевич; 1798–1867) – епископ Орловский и Севский, духовный писатель. Окончил курс Киевской духовной академии, был ректором Смоленской семинарии, позже настоятелем российской посольской церкви в Афинах

(1843–1850). 5 июля 1853 г. хиротонисан во епископа Одесского, vicария Херсонской епархии. Хиротонию совершал архиепископ Херсонский и Таврический преосвященный Иннокентий (Борисов). Сразу после утверждения императором Александром II доклада министра иностранных дел князя А. М. Горчакова о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и о повышении статуса ее начальника до епископа, владыка Поликарп 24 марта 1857 г. был назначен на должность начальника Иерусалимской Миссии. Однако, вследствие своего несогласия с условиями обеспечения деятельности Миссии со стороны МИД и Синода, так и не выехал к месту своего назначения, и в том же году 30 сентября возвращен к прежнему месту служения. Епископ Орловский и Севский (1858).

109.

Макарий (Сорокин Дмитрий Андреевич) – о нем см. ранее прим. 53.

110.

Братская Борщаговка – историческая местность в Святошинском районе Киева. В Братской Борщаговке находился хутор, пасека и летний дворец с садом, принадлежащие Киевской духовной академии.

111.

Введенский Алексей Александрович. См. ранее прим. 39.

112.

Отец Феодор – настоятель церкви в Братской Борщаговке. См. прим. 106.

113.

Авсеньев Симеон – воронежский протоиерей, отец о. Феофана.

114.

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – генерал-адмирал, второй сын Николая I, который по мысли императора должен был сделаться моряком. Его воспитателем был известный путешественник адмирал Ф. П. Литке. В 1845 г. совершил поездку в Константинополь и на Афон. Один из главных идеологов реформ Александра II. Организатор и первый председатель Палестинского комитета. Инициировал учреждение в Иерусалиме российского консульства (1858) и создание в Палестине русской паломнической инфраструктуры, первых русских храмов и богоугодных заведений (1859–1864). Первый из Романовых, совершивший паломничество в Иерусалим (1859). Наместник Царства Польского (1862–1863). Председатель Государственного совета (1865–1881). В 1881 г. уволен со всех постов личным указом Александра III. До конца жизни находился в оппозиции к официальной линии власти. В Киев в 1850 г. Константин Николаевич прибыл проездом в Николаев, направляясь для участия в очередном плавании российской военной эскадры по Черному морю. Его целью был как осмотр расположенных в Киеве резервных батальонов 3 пехотного полка, так и поклонение киевским святыням.

115.

Крестово-купольный храм – тип православного храма, господствовавший в архитектуре Древней Руси. По этому принципу построена Десятинная церковь в Киеве (989–996 гг). Антонин имеет в виду собор в честь Архангела Михаила Михайловского златоверхого монастыря в Киеве. Предполагается, что Михайловский собор был первым храмом с позолоченным верхом, откуда на Руси пошла эта своеобразная традиция. Возведенный в

1108–1113 гг. Михайловский собор имел особое значение для киевлян, ибо был посвящен архангелу Михаилу – небесному покровителю Киева. В XII в. монастырь был местом захоронения князей. Ко времени Святополка предание относит перенесение в Киев из Константинополя в 1108 г. главной святыни Златоверхого монастыря, мощей святой великомученицы Варвары. В 1800 г. Златоверхий монастырь назначен для пребывания епископов Чигиринских, викариев Киевской епархии.

116.

Великий князь Константин Николаевич участвовал в закладке одного из инженерных сооружений Новой Печерской крепости в Киеве, строительство которой длилось с 1837 по 1863 г.

117.

Иоанникий (Руднев), о нем см. ранее; Иануарий (в миру Иван Вознесенский) – иеромонах, бывший студент Киевской духовной академии и соученик о. Антонина.

118.

Семен – банщик в семинарской бане.

119.

Иеремия, в схиме Иоанн (в миру Иродион Иванович Соловьев; 1799–1884) – епископ Нижегородский и Арзамасский. Сын причетника, окончил курс Севской духовной семинарии (1819), был определен учителем греческого языка в Севское духовное училище и одновременно назначен ее инспектором. Затем, направлен в Петербургскую духовную академию для продолжения образования, на казенный счет. 21 ноября 1824 г. пострижен в монашество с наречением имени Иеремия, а 25 декабря того же года посвящен в иеродиакона. В 1827 г., 14 августа, рукоположен в иеромонаха. В академии он пробыл три года, но не получил ученой степени; некоторое время был учителем певчих епископа Рязанского Филарета (Амфитеатрова), а потом законоучителем Второго Кадетского корпуса в Петербурге. Причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры (1828). В 1829 г. решением Комиссии духовных училищ произведен в бакалавры богословия Петербургской духовной академии. Инспектор Киевской духовной академии (1830). 5 октября того же года посвящен в сан архимандрита в Александро-Невской Лавре. Ректор Киевской духовной семинарии и настоятель Киево-Выдубецкого монастыря (1834). В 1837 г., по поручению митрополита Киевского Филарета, обозревал монастыри Киевской епархии; в том же году он назначен председательствующим членом Комитета по устройению Киево-Софийского духовного училища. Настоятель Киево-Братского монастыря (1838). Ректор Киевской духовной академии (1839). Епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии (1841). Епископ Кавказский и Черноморский (1843), Полтавский (1849). В июле 1850 г. подал прошение в Святейший Синод с просьбой об увольнении на покой и переехал в Киев, но уже в 1851 г. он перемещен в Нижегородскую епархию. 11 июня 1857 г. уволен на покой в Нижегородский Печерский монастырь.

120.

Вознесенский Флоровский женский монастырь на Подоле в Киеве основан в начале XVI в.

121.

Антонин имеет в виду о. Феофана (Авсенева), проживавшего на территории скита.

122.

Келейник о. Феофана.

123.

Оглоблин Николай Яковлевич (1814–1877) – протоиерей и ключарь Киево-Софийского кафедрального собора, учитель Киево-Подольских училищ. Окончил Киевскую духовную академию; был преподавателем духовной семинарии и института благородных девиц.

124.

Соловьев Степан Федорович – выпускник Киевской духовной академии 1825 г., профессор Киевской духовной академии.

125.

Антоний – диакон в Киеве.

126.

Киево-Братский Богоявленский монастырь – мужской монастырь в Киеве, на Подоле. В нем располагалась Киевская духовная семинария и академия (учрежденная по реформе 1819 г), жили некоторые профессора и преподаватели Академии. Академическая церковь Святого Духа была устроена в надстроенном этаже трапезного Борисоглебского собора.

127.

Данила – служитель о. Феофана (Авсенева).

128.

Голосиевский лес – один из старейших топонимов Киева. Простирался от окраины города почти до его центра. Тут вместе с девственным лесом расположен каскад прудов и насажены плодовые деревья. Лес принадлежал Киево-Печерской лавре. На его территории находится Сергиева пустынь.

129.

Поленов Дмитрий Васильевич (1806–1878) – археолог, археограф и библиограф. Отец художника Василия Поленова. Выпускник академической гимназии и Санкт-Петербургского университета (1827). Секретарь российского посольства в Афинах (1832–1836). В Греции начал профессионально заниматься археологией, привез в Россию большую коллекцию найденных им предметов древности. После возвращения в Петербург (1837) занимался исследованием русских летописей, а позднее разбором архива Святейшего Синода. Секретарь Императорского археологического общества и редактор «Известий» общества (1855). С 1863 г. служил во II отделении Собственной Его Величества канцелярии и занимался разработкою архивных материалов по истории русского законодательства.

130.

Имеется в виду Федор Васильевич Чижов. О нем см. ранее прим. 65.

131.

Имеется в виду архимандрит Антоний (Амфитеатров), ректор Киевской духовной академии.

132.

Иван Андреевич – учитель Киевского Софийского училища.

133.

Иоанн (Петин) – о нем см. ранее прим. 6.

134.

Иван Антонович – бывший шадринский протопоп, земляк архимандрита Антонина.

135.

Иов – иеромонах Киево-Печерской лавры.

136.

Александровский взвоз, или Александровский спуск. Соединяет центр города и улицу Крещатик с Подолом. Сооружен в 1707–1711 гг. В XIX в. был единственной мощеной улицей в Киеве.

137.

О. Антонин имеет в виду выход в свет первой части своих проповедей.

138.

Батурино – родное село о. Антонина, где в этот момент жили его родители и служил священником его брат Александр Иванович Капустин.

139.

Академическая церковь Святого Духа была надстроена над нижней трапезной Борисоглебской церковью Братского монастыря.

140.

Зёров Захарий Михайлович – священник Херсонской епархии, товарищ о. Антонина по Екатеринославской семинарии.

141.

Лат. 'Пощечина'. Символический жест во время совершения Таинства миропомазания: епископ рукой касается щеки или плеча принимающего миропомазание.

142.

Матвей Иванович Салмин, пермяк – земляк о. Антонина, выпускник XI курса (1834–1838) Московской духовной академии, профессор Московской духовной академии.

143.

Сергий Михайлович Ефимовский – диакон из Москвы.

144.

Экземпляры книги о. Антонина «Круг подвижных праздников Церкви», предназначенные для представления в цензурный комитет.

145.

Греч. 'Многая лета!'

146.

Вздыхальница – гора в Киеве, современное название: Андреевская горка. Расположена на правом берегу Днепра. Тут находилось славянское языческое капище, в том числе стоял идол бога Перуна. Легенда связывает название горы с посвящением её апостолом Андреем Первозванным, который с этого места благословил появление в будущем Киева: «На сих горах воссияет благодать Божия, и град велик имать бытии». В XVIII в. на склонах горы был разбит Аптекарский сад, а в 1749–1754 гг. сооружена Андреевская церковь.

147.

С 1800 г. Златоверхий Михайловский монастырь назначен для пребывания епископов Чигиринских, викариев Киевской епархии.

148.

Архимандрит Димитрий (Муретов) – о нем см. ранее прим. 13.

149.

О. Макарий (Сорокин) – о нем см. ранее прим. 53.

150.

Поспехов Димитрий Васильевич (1821–1899) – сын священника, бакалавр Киевской духовной академии, писатель; образование получил в Киевской духовной академии, где служил профессором философии.

151.

Иерусалим (прим. о. Антонина).

152.

Черненко – переплетчик в Киеве.

153.

Дашков Яков Андреевич (1803–1872) – русский дипломат, директор Азиатского департамента МИД. Сын бывшего посланника при Северо-Американском союзе, А. Я. Дашкова (1775–1831). Окончил Пажеский корпус (1824). Занимал должности генерального консула в Валахии и Молдавии (1840–1847), директора Азиатского департамента МИД России (1848–1852), посланника в Швеции и Норвегии (1852–1872).

154.

'Безбородые' – тут: 'не монахи'.

155.

Поленов Д. В. – о нем см. ранее прим. 129.

156.

Устинов Михаил Михайлович (1800–1871). В 1840 г. неперменный член совета МИД. В 1843–1847 гг. возглавлял дипломатическую миссию в Константинополе. С 1850 г. тайный советник, отмечен многими наградами, имел дарственный портрет турецкого султана, украшенный алмазами.

157.

Т. е. митрополиту Филарету (Амфитеатрову).

158.

Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – генерал-губернатор Киева (1837–1852), министр внутренних дел (1852–1855).

159.

Николай Аркадьевич Ригельман – о нем см. ранее прим. 66.

160.

Даниил – келейник архимандрита Феофана.

161.

Пешехонов (Пошехонов) Макар Сампсонович (1780–1852) – старообрядец-иконописец, основатель иконописной мастерской (1820-е гг.), ставшей в сер. XIX в. крупнейшей в России, занимался расчисткой и реставрацией фресок Софийского собора в 1848–1850 гг. Этот заказ он получил при поддержке академика Ф. Г. Солнцева, рекомендовавшего его как единственного мастера, способного справиться с задачей восстановления древней византийской живописи. Однако, вместо себя Пешехонов привлек к работе никому не известных иконописцев-старообрядцев. Они не только не соблюдали стиль и форму древних фресок, но и использовали в своей работе материал низкого качества из-за чего новая живопись быстро покрылась плесенью и почернела. Чтобы скрыть это Пешехонов покрыл все изображения вареным маслом. 19 марта 1850 г. контракт с ним был расторгнут. Пешехонов отправился в паломничество в Святую Землю, но погиб по дороге, утонув в Черном море. См: Лебединцев П. Г. Возобновление Киево-Софийского собора в 1843–1853 гг. // Труды Киевской духовной академии. 1878. Август-декабрь; Белик Ж. Г. Иконописное наследие мастерской Пешехоновых. М.: Индрик, 2–11. С. 32–33, 37–46.

162.

'Лытать' — 'уклоняться от дела'.